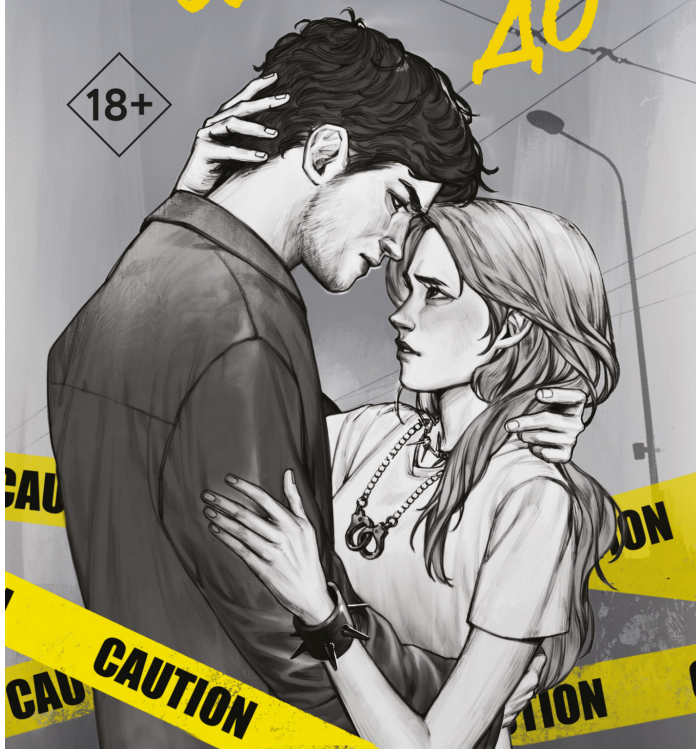

ЛАДУНКА К.

ТРИ СЕКУНДЫ ДО

18+

Ксения Ладунка

Три секунды до

Серия «Wattpad. ТОП на русском»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68719413
Три секунды до: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-152078-6

Аннотация

Белинде восемнадцать, и она влюблена в лучшего друга своего отца.

Он – взрослый мужчина, мировая звезда и человек, в чьем шкафу немало скелетов.

Она – девушка со сложным прошлым и кучей проблем, которая просто хочет, чтобы ее любили.

Они совершили ошибку, запустившую целую цепочку событий. Есть лишь несколько секунд, чтобы принять правильное решение – и не разрушить жизни друг друга...

Содержание

Пролог	5
1	7
2	18
3	34
4	45
5	60
6	71
7	84
8	100
9	111
10	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Ксения Ладунка

Три секунды до

Copyright © Ксения Ладунка, 2023

© LINK, иллюстрация на обложке

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Они там.

За стеной. Ругаются, как и всегда. Она кричит что-то о том, какой он плохой и как она его ненавидит. Он с насмешкой отвечает, что она всегда думает только о себе.

Каждый раз они ругаются где-то поблизости. Как будто специально, чтобы задеть и меня тоже. Облить бензином своего гнева, поджечь спичкой ярости и закопать в могиле обиды. Им важно, чтобы я была частью этого.

Они всегда знают, где я. В гостиной или в туалете – они будут рядом.

Поэтому я просто ухожу. Ухожу, если она не хватает меня на пороге или если он слезно не просит остаться. Я ухожу, даже несмотря на то что идти мне некуда.

Она кидается на него тогда, когда градус напряжения между ними возрастает. Бьет его, если он говорит ей резкую правду. А еще она колотит его всякий раз, когда он напивается. И мне иногда его жалко. А иногда я его ненавижу.

Он никогда не жалеет ее. Если есть в этом мире список самых ужасных слов, то это его слова, сказанные ей. Он всегда говорит ей все что думает и считает, что имеет на это право.

Еще какое-то время они кричат, но потом успокаиваются. Они всегда успокаиваются спустя примерно час ругани. Я накидываю куртку и беру заранее собранный рюкзак, выхожу

из комнаты, оглядываясь по сторонам. В доме – тишина, но в ушах еще звенят их голоса.

Спускаясь по лестнице, я постоянно оглядываюсь – боюсь, что наткнусь на кого-то из них и скандал начнется снова. Но все заканчивается хорошо, я оказываюсь в коридоре, а затем и во дворе.

Я смотрю на наш дом за огромным забором – он такой большой. Красивый. Вызывающий тошноту.

На улице ветер, и я наконец-то стираю слезы с глаз и щек. Мне предстоит долгий путь.

– Алиса! Алиса, открой, это Белинда!

Я кричу и барабаню в дверь трейлера. Вокруг – сплошная тьма, и в смертельной тишине слышны только далекие звуки залива. Нет даже проезжающих по мосту машин, чтобы хоть как-то разбавить весь этот ужас. Мне не открывают.

– Черт! – выплевываю я и еще раз со всей силы бью кулаком в дверь. Отчаяние подбирается к глотке, когда я слышу звук отворяющегося затвора.

– Алиса! – с облегчением выдыхаю я. Она смотрит на меня заспанными темными глазами и пытается понять, что происходит.

– Ох, Белинда...

– Прости. – Мои глаза заполняются слезами. – Пожалуйста, можно мне войти?

Горько улыбнувшись, Алиса пропускает меня внутрь. Я ловко смахиваю слезы до того, как они скатываются по щекам. Алиса отходит и включает свет; на кровати я вижу лежащего Скотта. Он явно недоволен тем, что его разбудили, а еще тем, что это была я.

Я скидываю с плеч джинсовку, а Алиса смотрит и, кажется, не знает, что со мной делать.

– Детка, что с тобой? – спрашивает она своим низким голосом. – Опять родители?

Я киваю. Отмахиваюсь: не хочу думать об этом.

– Ты же плачешь, – говорит она и тянется ко мне своими большими темнокожими руками. Обнимает и пытается почувствовать.

От нее резко пахнет ацетоном, но для меня это уже привычно. Я заливаюсь ревом прямо у Алисы на груди, даже не отходя от двери. Мне не нравится так напрягать ее, но сейчас я просто не могу ничего с собой сделать. Она гладит меня по голове, и я чувствую, что кому-то нужна.

Так проходит какое-то время, пока мне не становится лучше. Алиса сажает меня за стол и делает чай. Я понимаю: все это формальности, чтобы обстановка не была гнетущей. Мне неловко, а сейчас будет еще хуже, потому что я подбираюсь к самому отвратительному моменту.

– Говори уже, зачем пришла, – агрессивно торопит меня Скотт.

– Алиса... – мямлю, – я хотела взять как обычно...

– Мы больше не продаем в розницу, сколько можно тебе говорить! – повышает голос Скотт.

Алиса смотрит на него с упреком, а затем отвечает мне:

– Не слушай его, для тебя всегда найдется.

Я благодарно киваю, а Скотт злобно смотрит на меня. Я неловко сижу за столом и всякий раз пытаюсь спрятать от него взгляд. Он знает, сейчас на меня очень легко надавить. Алиса долго копошится в кухонных ящиках, а потом кладет передо мной маленький зиплок с белым порошком внутри.

– Платить чем будешь? – выплевывает Скотт.

– У меня есть деньги.

– У тебя всегда есть деньги, но так ведь не интересно.

– Скотт, – обращается к нему Алиса, – меньше агрессии, больше терпимости. Белинда – наша подруга.

Он вздыхает – сдерживается. Старается быть лучше. Ради нее. Хоть и терпеть меня не может.

– Алиса, не хочешь... со мной? И ты, Скотт.

– Не откажусь, – улыбается она.

– За твои бабки хоть на край земли, – поддакивает он.

Эти двое заметно веселят. Я тоже, потому что теперь у меня есть место, где провести эту ночь.

Я вскрываю содержимое зиплока, отдаю часть ребятам. Проходят мучительные три секунды до того, как я погружаюсь во тьму. Она медленно обволакивает меня, утягивая глубоко на дно. Все мирское отпускает, все проблемы, вся моя личность отходит куда-то в небытие. Остается только *оно*. То, ради чего я шла сюда десять километров пешком среди ночи.

Алиса и Скотт, кажется, на кровати, бормочут что-то – или мне послышалось. Я медленно поднимаюсь в попытках справиться с дрожащим телом и ложусь к ним. Они целуются, но меня это не волнует.

Нас кроет где-то час. Я разглядываю свои руки, взведенные к потолку, пытаюсь ухватиться за узоры, появляющиеся на нем. Немного позже меня прорывает на разговоры.

Я болтаю, Алиса поддерживает. Спустя время я касаюсь темы, что должна была остаться внутри меня навсегда.

– Вчера мне исполнилось восемнадцать, – говорю.

– Правда? – удивляется Алиса. – Поздравляю.

– Спасибо. И мои родители решили, что развод – лучший подарок, что они могут подарить мне на день рождения.

Наступает тишина, сквозь которую прорывается Скотт:

– Слушай, мы твои дилеры, а не психотерапевты. Давай без этого.

И правда. Трейлер снова окутывает тишина. Я продолжаю разговаривать уже в своих мыслях.

Да, они разведутся сразу после того, как мы отметим мои восемнадцать. И нет ничего более логичного: я становлюсь совершеннолетней, и они могут больше не мучать друг друга.

Куда себя деть, я не знаю: остаться с кем-то из них после – значит сделать выбор, а мне омерзительна лишь одна мысль об этом. Я еще не придумала, что мне делать. Одно хорошо: из-за отличного климата в Калифорнии легко выжить на улице.

Я встаю, чтобы вдохнуть еще одну дорожку. Алиса поднимается вслед за мной и хватается сзади, еще до того, как я успеваю добраться до стола. Она обнимает меня, трется щекой о спину. Она всегда лезет обниматься, когда нетрезвая. Я позволяю ей делать все, что она хочет; Алиса разворачивает нас к зеркалу и смотрит на отражение из-за моего плеча.

Мы с ней очень контрастные – самые настоящие инь и ян. Ее темная кожа и моя светлая, но покрытая калифорнийским загаром. Ее длинные, ухоженные черные косы и мои белые, короткие, выцветшие на палящем солнце волосы. Ее карие и мои голубые глаза. Алиса очень красивая, хотя сама она так не считает. Я тоже не считаю себя красивой, но Алиса говорит: «Ты так прекрасна», – и гладит мою руку. А потом добавляет: «Хотела бы я быть тобой».

Мне неловко и почему-то больно от ее слов. Мир идет вперед, пытаюсь доказать всем и каждому, как они красивы, но Алиса все равно считает меня лучше себя. Наблюдая, как она гладит меня по рукам, я искренне говорю:

– Ты тоже очень красивая, правда.

Она ухмыляется. Я выпутываюсь из ее хватки и добираюсь до стола, а потом все как в тумане – и так проходит вся ночь. Алиса и Скотт засыпают, когда рассветает. Я же собираю свои вещи и выхожу на улицу. Тут свежо, а под ногами, на сухой жженой траве, чувствуется только выпавшая роса. Я стою под мостом Бэй-бридж, соединяющим родной Окленд с Сан-Франциско. Залив покрывает сумрак. Огни города на противоположной стороне уже погасли, синева воды и неба сливаются, делая воздух будто бы плотным, цветным. Считанные минуты, и на горизонте показывается солнце – разрывает синь своими желтыми лучами. Я смотрю на залив до тех пор, пока солнце окончательно не встает и не освещает все пространство, а затем вставляю наушники в уши и ухожу.

— Где ты шлялась всю ночь?! — кричит мать, как только я ступаю на порог на дома.

— Не твое дело, — отвечаю.

— Какая же ты дрянь, — говорит она, — вся в своего отца, шляешься по ночам и бухаешь.

«О, мамочка, — думаю я — ты даже не представляешь, чем я занималась этой ночью».

— Ладно, — говорю.

Мать не успокаивается:

— Я посмотрю, как ты запоешь, когда отец перестанет давать тебе деньги.

Я стягиваю с себя конверсы, улыбаюсь. Говорю ей:

— Он не перестанет.

— Прекрати лыбиться, мерзавка, — шипит мать.

Я прохожу мимо нее в гостиную, оборачиваюсь вокруг себя, вскидываю вверх руки и с улыбкой на лице показываю ей средние пальцы. Смеюсь в лицо, зная, как она ненавидит это, как она бесится. Я не хочу злить ее еще сильнее и нарываться, но по-другому не получается.

Как только я отворачиваюсь, улыбка пропадает, но она этого уже не видит.

— Посмотри на себя, на кого ты похожа? — с пренебрежением спрашивает она. — Глаза красные, рожа опухшая, ты вся

грязная! Тебе восемнадцать лет, а ты выглядишь как про-
жженная шлюха!

Я не отвечаю, убегаю от нее на лестницу, чтобы быстрее
закрыться в комнате. Но она догоняет:

– Вот увидишь, когда отец уйдет, тебе ничего не оставит.

– Когда он уйдет, мама, я тоже уйду, – отвечаю с угрозой.

– Да? – насмехается она. – И куда же ты пойдешь? И что
будешь делать? Ты ничего не умеешь и никуда отсюда не де-
нешься!

Быстрым шагом я направляюсь к двери в свою комнату,
но мать настегает меня и хватает за воротник куртки, залезая
рукой в карман. Я запоздало понимаю, что происходит: мать
вытаскивает оттуда телефон и банковскую карту. Единствен-
ные вещи в мире, что позволяют мне держаться на плаву.

– Отдай! – громко кричу я, разворачиваясь и без разду-
мий кидаясь вперед. Я цепляюсь за мамину кофту, пытаюсь
дотянуться до телефона, но она перехватывает мою руку и
больно выворачивает.

– Это будет тебе уроком! – кричит она.

– Перестань, мне больно! – отвечаю, на что она отпускает
меня и толкает.

Я спотыкаюсь и чуть не падаю, но удерживаюсь. Мама от-
крывает дверь находящегося рядом туалета, в проеме кото-
рого у нас происходит еще одна стычка. Я не знаю, что она
хочет сделать, и у меня не получается ее остановить – удает-
ся только выбить телефон из ее рук. Он падает на кафель и

разбивается.

Сразу после мама кидает мою кредитку в туалет. Я вижу, как она падает в воду и идет на дно. Ни секунды не сомневаясь, я припадаю к унитазу и запускаю туда руку, но мать оказывается быстрее: она нажимает на слив, и кредитка пропадает в канализации.

– Мама, б... блин! – не сдерживаюсь я.

– Не смей материться при мне, – наказывает она, – со всем остальным твоим барахлом будет так же, если еще хоть раз пропадешь на ночь. – И выходит.

Я остаюсь одна, сидящая перед туалетом на коленях; правая рука по локоть мокрая. Стекланный телефон, встретившийся с кафелем, просто вдребезги. Паутинка трещин идет по всему корпусу. Я беру его и проверяю: работает. Отправляю отцу сообщение:

МАМА разбила мой телефон!!!

И смыла кредитку в туалет.

Добавляю, не надеясь на ответ.

Когда ты будешь дома?

Нажимаю на блокировку и отправляюсь в свою комнату.

* * *

Отец приходит на следующий день, матери нет. Он копошится на кухне, когда я осторожно спускаюсь на первый этаж.

– Тебе помочь? – спрашиваю.

– Бельчонок, – он вздрагивает, – ты меня напугала.

– Прости.

– Не надо помогать, я справлюсь. Думал, тебя нет дома.

– Ты не видел мои сообщения?

– Что? Сообщения? Прости, нет. Сейчас посмотрю.

Он протирает руки полотенцем и отходит в коридор, где из кармана куртки достает мобильник. Возвращается, листает на экране пропущенные, спустя время натывается и на мои.

– Что?! Она сошла с ума? Какого черта она это сделала?!

– Не знаю. Она не хочет, чтобы ты давал мне деньги. А еще сказала, что когда вы разведетесь, ты заберешь все, что мне подарил.

Отец потирает переносицу. Вздыхает. Он такой высокий, что я задираю голову, чтобы смотреть ему в лицо. Он выше меня на полторы головы, ростом я пошла в мать.

– Ты ведь не слушаешь ее, правда? Бельчонок, может быть, я и не идеальный отец, но все, что я делал в своей жизни, было ради твоего благополучия. Иначе это просто не имело бы смысла.

– Я знаю, пап, – подхожу к нему и обнимаю, – спасибо.

– Не за что. Ты только не переживай. Карту восстановим. Телефон новый купим.

– Спасибо, пап, – радостно протягиваю я.

По правде говоря, я поступаю плохо. Не стоит говорить

ему такое, чтобы не усугублять ситуацию между ними. Но мне так мерзко после маминых слов, что я просто не могу не убедиться, что сказанное ею – неправда.

– Пап, мы отмечаем мой день рождения уже на этих выходных, ты помнишь? – говорю я.

– Конечно, помню.

– Ты обещал, что снимешь бар на ночь и пригласишь всех на вечеринку.

Отец замолкает, но тут же отвечает:

– Разумеется, Бельчонок. Я уже это сделал.

– Отлично! А еще ты обещал, что «Нитл Граспер» выступят, – игриво говорю я, уверенная в том, что на самом деле он обо всем забыл.

– Не могу это обещать. Все члены группы разъехались в отпуска, один Том в городе.

– А разве нужен кто-то кроме него?

Отец усмехается. Я продолжаю:

– Ну правда. Он ведь солист. Сыграй с ним сам. Пап! Это же супер идея, давай. Ты же умеешь. Я хочу, чтобы ты сыграл у меня на дне рождения. Па-а-ап?

Отец смеется. Я вижу, как загорелись его глаза, как ему понравилось мое предложение.

– В конце концов, ты можешь приказать Тому сыграть, и он никуда не денется.

Папа смеется еще сильнее, параллельно делая себе бутерброды и кофе.

– Я его продюсер, а не хозяин.

– Да ну, – смеюсь я, – ладно, шучу. Просто хочу, чтобы вы сыграли.

– Я постараюсь.

– Тогда исполните мои любимые песни, – говорю я и ухожу с кухни, оставляя его теряться в догадках и пытаться вспомнить, какие именно.

Мне исполнилось восемнадцать, и раз уж жизнь повернулась ко мне задницей, то я хотя бы отпраздную это как следует.

2

В баре сейчас всего несколько человек: до праздника остается два часа, и все мы приехали сюда заранее.

Папа на сцене – повторяет мелодию вслед за Томом. Кажется, они не слишком долго репетировали перед этим, так что много лажают и никак не могут сыграть. Вместе с ними стоят еще несколько музыкантов, но никого из них я не знаю. Наверное, какие-то их знакомые.

Я зашла сюда всего пару минут назад, застав такую занимательную картину. Папа с гитарой на сцене выглядит бесподобно. Том со своим антуражем рок-звезды вынуждает на секундочку в него влюбиться. У меня щемит в груди от счастья, что искрится вокруг них. Я так рада вновь наблюдать, как они играют, что готова расплакаться. Нет ничего лучше, чем видеть отцовскую улыбку.

Вдруг Том замечает меня – и сразу говорит отцу. Тот разворачивается и улыбается еще сильнее. Меня тут же рвет на маленькие счастливые кусочки, я срываюсь с места и выбегаю к ним на сцену.

– Па-а-ап, – протягиваю я и обнимаю его со всей силы, что во мне есть.

Он смеется и говорит:

– Совсем уже взрослая.

– Я такая.

– С днем рождения, – говорит в микрофон Том, перетягивая все внимание на себя.

– Спасибо!

– У меня есть для тебя подарок.

– Ого! – вскрикиваю. – Что, правда?!

– Мне тоже интересно, – говорит отец.

– Он в примерке. Пойдем покажу! – Том снимает с себя гитару и ставит на подставку. – Потом расскажешь папе... или не расскажешь, как считаешь нужным.

– Да что ты, Митчелл... – щурится отец, но в шутку.

– Пап, все, мы ушли, – говорю я, отрываясь от него, и тут же попадаю под руку Тома, – он не такой высокий, как мой отец, но все еще намного выше меня.

– Это кое-что, связанное со мной, и с тобой, и с нашим позапрошлым туром, – по-заговорщически шепчет он и ведет за сцену в примерку.

– Я понятия не имею, о чем ты! – возбужденно говорю.

Том лукаво улыбается. У него итальянское происхождение, черные растрепанные волосы, зеленые глаза. Кожа сейчас совсем бледная (после целого года гастролей по всему свету), но обычно бронзовая, загорелая. Он лучший друг моего отца, и я знаю его всю свою жизнь, он – часть моей семьи.

– Я не успел упаковать, надеюсь, ничего страшного, – говорит он, когда мы заходим в комнату. Том берет свой портфель и достает из него какую-то стеклянную бутылку. Я не понимаю, всматриваюсь.

– Боже, это же...

– Да!

– Стой, неужели это то шампанское из Милана?

Том кивает, я забираю у него бутылку: блестящая фиолетовая обертка, нечитаемое название на итальянском. Подарок переносит меня в прошлое на три года назад: мне пятнадцать, и я вместе с папой и «Нитл Граспер» в мировом туре, очень хочу попробовать шампанское в яркой фиолетовой упаковке. Я не нашла ничего умнее, чем попросить дядю Тома купить мне его. Он ведь такой крутой и, в отличие от моего отца, не откажет. На мое удивление, Том тогда действительно согласился. Потом мы вместе выпили его в нашей гостинце – точнее, выпил Том, а мне досталась лишь пара глотков. Оно было вкусное, хоть и стоило всего несколько евро. Сейчас же оно было по-настоящему бесценно.

– Ты не нашла его в Америке, – напоминает он.

– Да... я совсем забыла про тот случай.

– А я запомнил его на всю жизнь.

Я смеюсь и говорю:

– У меня совсем не было совести в пятнадцать.

– Да, ты была наглая и бесстрашная пятнадцатилетка.

Теперь мы смеемся уже вместе. Я обнимаю его и говорю:

– Это очень мило... Спасибо, Том. А давай выпьем его прямо сейчас?

– Давай! – Том забирает у меня бутылку обратно и открывает.

Пока мы пьем, болтаем. Он спрашивает у меня:

– Что папа подарил?

– Дал денег на новый телефон.

Том хихикает, передает мне шампанское. Я делаю глоток, и тут дверь в комнату открывается. По инерции я прячу бутылку за спину и быстро ставлю ее на пол.

– Папочка! – В примерку вихрем влетает пятилетний Джоуи и кидается на Тома. Тот ловит его и поднимает над землей.

Я бы никогда не поверила, что это ребенок Тома, если бы не знала, что другу отца тридцать три года. Он выглядит на много моложе.

– Привет, мелкий, – говорит он.

Следом заходит Марта – его бывшая жена. Она коротко здоровается с Томом и подбегает ко мне, чтобы скорее обнять.

– Милая, с днем рождения! – восклицает. – Как я давно тебя не видела, какая ты красивая! Я приготовила тебе подарок, думаю, тебе понравится. – Марта протягивает мне розовый конверт. Я скорее вскрываю его и вижу два билета на Янгблада¹ через два месяца.

Взвизгнув от радости, я прижимаю их к сердцу. Невольно вспоминаю, как слушала его бессонными ночами после родительских ссор. Как по вечерам он заглушал их истошные крики.

¹ Yungblud – британский исполнитель.

Я правда очень, очень рада. Я крепко обнимаю Марту, не переставая улыбаться. Чувствую, будто не всем еще в этом мире на меня плевать. Джоуи спускается с рук Тома и подходит ко мне, лезет обниматься.

– Белинда, с днем рождения! – Он протягивает мне собственноручно нарисованную открытку. Там мы с ним держимся за руки на пляже, а на небе написано поздравление. Невинный детский рисунок, от которого я готова расплакаться.

– Спасибо, малыш, иди сюда! – Я опускаюсь на колени и обнимаю его. – Люблю тебя.

Тем временем Том и Марта о чем-то переговариваются. Джоуи начинает рассказывать мне о том, что приключилось у него в школе.

– Белинда, папа здесь? – спрашивает Марта.

– Да, был в зале.

– А мама?

Я отрицательно мотаю головой. Марта делает сочувствующее лицо.

– Как у вас дела?

– Нормально, как у всех семей во время развода.

Она понимающе кивает головой. Я сомневаюсь, что наше «нормально» такое же, как у других, но подробнее говорить об этом не хочу.

– Ладно, пойду поздороваюсь с Биллом, – говорит она о папе и добавляет: – Томас, следи за сыном!

Марта выходит за дверь, и Том тут же подхватывает с пола шампанское. Джоуи бежит вокруг нас, пока мы пьем и болтаем, затем уходит изучать гримерку. Я думаю о том, что малыш здесь совсем ненадолго. По крайней мере не до того момента, когда его папочка будет валяться на полу в пьяном угаре и своей блевотине.

Мы допиваем бутылку, и Том неожиданно говорит:

– Выглядишь офигенно. Классный наряд.

– Спасибо, – немного смущаясь я, – немного шлюховатый, не думаешь?

– М-м-м, нет. Мне нравится.

Я рада, что кто-то оценил. Но, вообще-то, я одевалась так, чтобы вызвать побольше осуждения: колготки в сетку, шорты до середины зада. Розовый, немного просвечивающий кружевной топ до пупка, больше похожий на лиф. На шее – несколько серебряных цепей, а на ногах – конверсы.

– Папа, папа, а что такое «шлюхатый»? – подбегает Джоуи.

– Так, малыш, – Том берет сына на руки, – ты этого не слышал.

Мы смеемся, хотя Тому будет совсем не смешно, когда Джоуи скажет это при матери или в школе. Мы стоим еще пару минут, а затем уходим – Том дальше репетировать с папой, а я играть с Джоуи, пока Марта не увела его домой.

В баре грохочет музыка. Народу столько, что не продохнуть. Я стою сбоку от сцены, уже изрядно пьяная, хотя вечеринка только началась. Первая песня заканчивается, и Том говорит в микрофон:

– У нашей дорогой Белинды сегодня день рождения, – он тоже нормально набрался, – Бельчонок, иди сюда!

Я поднимаюсь на сцену, пытаюсь сфокусировать взгляд. Сюда бьет столько света, что моментально начинают болеть глаза. Том появляется откуда-то из этого свечения и затягивает в объятия. Потом он говорит в микрофон:

– Теперь ты совершеннолетняя и полностью отвечаешь сама за себя. Родители больше не нужны.

Я слышу голос отца:

– Дорогая, люблю тебя и поздравляю. Помню тебя совсем крохотной, только родившейся. Тогда я даже не думал, что когда-нибудь ты станешь такая взрослая и красивая...

Я довольно улыбаюсь. Том начинает хлопать в микрофон, а отец продолжает:

– Я делаю все для тебя и ради тебя. Я благодарен жизни, что ты – моя дочь.

Мы с папой обнимаемся, я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы.

– Я написал тебе песню, когда ты родилась, ты знаешь. Я

играл ее, помнишь?

– Конечно, помню, пап, – жалобно говорю я мимо микрофона.

– Мы сделали аранжировку. Надеюсь, песня понравится тебе так же, как и в детстве.

Я болезненно сглатываю, сдерживая слезы. Прошу у папы спуститься со сцены и послушать внизу. И пока Том поет самые красивые слова, когда-либо обращенные в мою сторону, я просто плачу. От счастья, наверное, но почему-то мне невыносимо больно.

Песня заканчивается, Том говорит, что теперь они будут петь мои самые любимые. В том, что он помнит, какие именно, я не сомневаюсь. Когда отхожу от сцены взять себе немного пива, меня хватают за руку. Это Алиса. Она отводит меня в сторону и говорит:

– Я еле нашла тебя! Кто все эти люди?

– Мои одноклассники, – морщусь.

– По-моему, тут одни намокшие фанатки этого чувака на сцене.

– Они тоже. Наверняка пробрались.

– Детка, ты что, пригласила сюда всю свою школу?

– Типа того.

– Какая гадость, – плюется Алиса.

– Тут еще папины друзья и некоторые родственники, – за чем-то оправдываюсь я.

– М-да, ну и тусовка. Ладно, неважно. С днем рождения, –

говорит она и касается моей ладони, вкладывая в нее маленькую коробочку с бантиком. Мое сердце подскакивает в груди, под ложечкой сразу же начинает тянуть, а возбуждение нарастает.

– Алиса, это...

– Да, те самые сережки, которые ты хотела.

«*Какие сережки, Алиса*», – хочется сказать мне, но я лишь сглатываю скопившуюся во рту слюну.

– С-спасибо...

– Не за что, крошка. Приходи к нам, когда захочешь. Я всегда тебе рада.

Она обнимает меня, потом говорит:

– Прости, не останусь. Но была очень рада увидеться. Надеюсь, ты отпразднуешь как следует. – И подмигивает.

Я даже не успеваю попрощаться, как она исчезает из клуба. Я засовываю ее подарок в карман шорт и пытаюсь успокоить свое бешено колотящееся сердце. Мозг начинает лихорадочно соображать: мне надо сделать все в кабинке туалета, только там нет камер. Главное – не сидеть слишком долго, не вызывать подозрений.

Я отправляюсь к бару, чтобы еще догнаться алкоголем, беру текилу. Выпиваю с кем-то из школы за свой день рождения, слушаю поздравления, но на уме только одно. Отец и Том все еще на сцене, играют, веселятся, пьют. Пока они там, я решаю скорее пойти в туалет.

В кабинке я открываю коробку. *О боже*. Алиса не поску-

пилась, собирая для меня этот подарок.

Я опускаю крышку туалета, сажусь сверху. Открываю коробку, три секунды – и сознание мутнеет. Чернота обволакивает меня, и я плыву сквозь эту тягучую материю, обволакиваемая ею, отгороженная от всего мира.

Спустя вечность я нахожу себя на полу уборной. От толчка воняет. Тело трясет, я еле поднимаюсь и буквально вываливаюсь из кабинки. Сердце быстро и тяжело колотится, из-за этого дышать просто невозможно. Не хватает кислорода. Я опираюсь о раковину, включаю кран и засовываю руки под холодную воду.

– Эй, Шнайдер, – слышу сквозь вакуум, – ты в порядке?

– Что? – переспрашиваю. – А что не так? – вглядываюсь в лицо человека передо мной. Какой-то парень из школы. Вспомнить бы его имя.

– Ты в мужском туалете.

– А... черт, перебрала.

– Бывает. С днем рождения.

Кивнув, я протираю лоб мокрой рукой и скорее выхожу наружу. Хочется вдохнуть побольше воздуха, но в легких уже нет места. Коридор закручивается в спираль, все перед глазами расплывается. Я иду, держась за стенку, каждый шаг делаю все медленнее и осторожнее.

Мимо меня проходят две девчонки, и одна из них говорит:

– Шнайдер, твои вечеринки всегда самые отпадные! Эта не исключение.

– Класс, – отвечаю.

– С днем рождения!

Я оказываюсь в зале, музыка доходит до меня словно через глухую стену. Время замедляется, воздух вокруг окрашивается то в синий, то в красный, то в зеленый. Почти сразу я начинаю теряться во всех этих красках. Люди смешиваются в единую массу. Я делаю шаг и оказываюсь среди них.

* * *

Под утро отпускает. Я все еще пьяная, перетанцевала со всеми, с кем могла. Каждый тянулся ко мне, поздравлял, обнимал и что-то желал. Я знаю, на самом деле, я им безразлична, но это становится совершенно неважно, когда в крови циркулирует очередная доза. Все эти люди мне даже не знакомы. Зато они знают меня, а когда я приглашаю их к себе на день рождения, считают, что особенные. Пусть так и будет.

Я не ходила в школу до этого года. Все мое детство прошло в перелетах и разъездах по миру. Папа всегда был в дороге, и жить мы могли только так. Тогда мама еще была вменяема, а отец только начинал подсаживаться на алкоголь.

Так что училась я с матерью, дистанционно. Это было моей жизнью. Не долбаная школа, в которую я была вынуждена ходить весь последний год, потому что в этот раз мама не позволила мне поехать с отцом и группой. Она не поехала сама и силой заставила меня остаться с ней. Дерьмовее года

в моей жизни не было.

Когда я только пришла, меня запомнили сразу: на первом же танцевальном вечере, посвященном началу учебного года, я перемешала пунш с водкой и спустя время, потеряв сознание, растянулась прямо посреди спортивного зала, заполненного людьми. Так мне рассказали. Сама я этого не помню.

Каждому моему однокласснику по-настоящему плевать на меня, им интересна только протекция в виде моего отца и элиты, что он собирает вокруг. Неважно, в конце концов, скоро мы все попрощаемся и больше никогда не увидимся.

Я сижу за барной стойкой, наблюдаю, как оставшийся народ расходится. Уже почти шесть часов утра, невероятно клонит в сон, но я держусь. Рядом отец несвязно болтает с барменом, жалуется на маму и жизнь. Я такая пьяная, но мне даже не стыдно. Папа все равно не смог бы сейчас понять, как сильно я набухалась.

Напоследок я пью целую бутылку воды, потому что сушняк уже мучает меня. Скоро мы будем уезжать, надо только растолкать отца и собрать вещи. Вдруг позади я слышу какой-то переполох. Поднимается шум, но я не успеваю развернуться и посмотреть, потому что кто-то хватает меня за ухо. Резко, очень сильно, делая как можно больнее, тянет на себя и кричит:

– Вот ты дрянь! Да что ты за скотина-то такая?!

Я понимаю: мать. Она тянет меня за ухо, и я следую за ее рукой.

– Мама, больно! Отпусти! Больно!

– Что я тебе говорила?! Что я говорила тебе по поводу отсутствия дома?! По поводу попок с отцом?! Да ты у меня всю жизнь дома сидеть будешь!

– Но у меня день рождения, – хнычу я. – Отпусти!

– Что ты, мать твою, здесь делаешь?! – рывкает отец так громко, что мне становится еще больнее. Мама тем временем ведет меня в сторону коридора, где находится выход для персонала. Отец бежит за нами, что-то кричит. Я начинаю плакать, перестаю разбирать их речь.

Она удерживает меня, по пути чуть не сшибая кого-то с ног. В коридоре отец нагоняет нас, рывкает:

– Пусти ее!

Одной рукой он хватается за плечо, другой мать за запястье. Он разрывает нас, и я отлетаю в сторону, а они вцепляются друг в друга.

– Ты вообще видишь, как напилась сейчас твоя дочь?! Это нормально, по-твоему?! Хочешь, чтобы она стала такой же, как ты?!

– Это ее день рождения! Оставь ее в покое, истеричка! Оставь ее в покое, – делает акцент отец на каждом слове.

– Скоро ты оставишь нас в покое. Никогда больше не увидишь ни меня, ни дочь!

– Что ты сказала?! Что ты сейчас сказала?! – рывкает он так сильно, что я пугаюсь. Он нависает над матерью, держит ее за грудки, смотрит прямо в глаза.

Честное слово, еще немного, и случилось бы что-то ужасное, но сбоку неожиданно появляется Том и подлетает к отцу. Так быстро, что я даже не успеваю удивиться. Он пытается привести папу в чувства.

– Билл, – говорит он, – Билл, успокойся. Не надо.

Я понимаю: Том здесь с самого начала. Это его моя мать оттолкнула, когда шла сюда, сделав невольным свидетелем семейной сцены. Отец отпускает мать, и она начинает вопить:

– Ублюдок! Ты чуть не ударил меня! Кретин! Готовься к суду и к тому, что я все у тебя отберу!

– Линда, пожалуйста, – говорит Том моей матери. Он стоит между ними и удерживает каждого за плечо.

– Не лезь, только тебя здесь не хватало! – срывается мать.

– Митчелл, отойди, – говорит отец.

– Я все равно останусь здесь, – с угрозой отвечает Том. И выполняет просьбу, отступив в другой конец коридора.

– Белинда, – обращается ко мне мама, – ты сейчас же уедешь со мной и никогда больше сюда не вернешься.

Я со своей силы сжимаю челюсти так, что к горлу подступает рвотный позыв. Слезы текут не прекращая, и я даже боюсь представить, что сейчас на моем лице.

– Ты язык проглотила? – Она делает ко мне шаг. – Или алкоголь вымыл все мозги?! Вперед! – хватает меня за руку. Я вырываюсь.

– Прекрати! – встревает отец.

– Пошла ты! – кричу я.

Мать удивляется:

– Что?

– Пошла к черту! Я тебя ненавижу, почему ты просто не можешь быть нормальной?! Я никуда с тобой не пойду, и это *ты* больше никогда меня не увидишь!

Проходит безмолвная секунда, прежде чем мать замахивается и бьет меня по щеке. Мир останавливается. Становится больно. Обидно.

– Замечательно, – говорит она, а потом обращается к отцу: – Посмотри, что ты сделал с нашей дочерью.

Она разворачивается и уходит, папа преследует ее, кричит как безумный. Я прислоняю руку к щеке, чувствую, как она горит. Секунда – и я начинаю плакать. Истошно и истерично плакать.

Я опираюсь о стену, хочу сползти на пол и там умереть. Но неожиданно меня подхватывают, обнимают, не дают повалиться с ног. Приоткрыв глаза, я вижу Тома.

– Эй, бельчонок, – он прижимает меня к себе и гладит по спине, – все хорошо. Все хорошо. Я с тобой.

Этими словами он как бы дает разрешение на любые эмоции. Я утыкаюсь ему в грудь и плачу, плачу, плачу. Сжимаю со всей силы его футболку, оттягивая вниз. Том стойкий. Понимающий. Я всем телом чувствую его сожаление.

Я так и не успокаиваюсь, только слезы заканчиваются, и я начинаю задыхаться. Внутри противное чувство: хочется

плакать еще, но больше нечем.

Родители так и не возвращаются, никто из них. Я не знаю, что будет дальше.

– Белинда, эй! – Том заглядывает мне в лицо. – Поехали отсюда, м? Я тебя здесь не оставлю. Все будет хорошо.

– Ладно. Ладно.

По правде говоря, я действую на автомате, во всем этом хаосе тянусь к порядку, спокойствию и защищенности. Том тоже пьян, но сейчас он больше остальных подходит под эти понятия. Он выводит меня на улицу, сажает в такси и отвозит туда, где, по его словам, «все будет хорошо».

В доме Тома меня прорывает, и я блюю в туалете около часа. Он все заходит, проверяет, приносит воды. После этого, с опухшими, воспаленными глазами и больной головой я отрубаюсь прямо в зале на диване. И просыпаюсь только вечером, часов в пять.

Просыпаюсь от режущего, отвратительного, невыносимого чувства тревоги. Словно кто-то воткнул нож в область желудка и прокрутил. Дыхание сбивается; я резко сажусь, голову сразу ведет в сторону, она кружится.

Я пытаюсь дышать, ищу, за что бы зацепиться взглядом. Нахожу Тома, спящего рядом с диваном на полу, на белоснежном пушистом ковре. Он лежит лицом вниз, на своей вытянутой руке. Волосы разметались так, что глаз не видно. Я делаю вдох, выдох. Спускаюсь взглядом ниже: его белая футболка задралась, оголяя живот. Клепанный ремень на штанах расстегнут.

Я отворачиваюсь, потому что становится еще хуже. В памяти всплывает конец дня рождения, и я не выдерживаю, вскакиваю с дивана, огибаю его и убегаю в ванную, потому что это единственное знакомое здесь место.

Там взгляд сразу останавливается на зеркале – потому что с таким отражением я не готова была столкнуться. У меня на щеке огромный синяк. Я приближаюсь к стеклу, рассмат-

риваю лицо. Прямо под глазом несколько налившихся кровоподтеков. Прикоснувшись к ним, я чувствую боль. Сосуды лопнули, из-за чего вся щека усеяна синими пятнышками. Мне становится больно от такого вида, *я не хочу так выглядеть*. Глаза красные, опухшие. Мое лицо буквально рассказывает о том, что со мной было вчера.

Я быстро начинаю смывать остатки размазанного макияжа. Прямо мылом – ничего другого здесь нет. Становится лучше, но ненадолго. Тогда я залезаю в душ, мою голову, отмываю тело от вчерашних грязи и пота. От дерьма в душе все равно не отмыться. Я заканчиваю и начинаю драить облеваный утром туалет – хочу стереть все следы произошедшего.

Тревога и отвращение выворачивают меня наизнанку. Я словно в абсолютной пустоте, оставленная всеми, наделавшая кучу ошибок, понятия не имею, куда двигаться. Вокруг ничего, и я не знаю, что делать.

Не знаю, как выбраться отсюда, где искать дорогу. А самое главное, я не знаю, у кого ее спросить.

Когда приходит время выходить, я понимаю, что у меня нет одежды. Вся вчерашняя скинута в корзину для белья, и, надеюсь, Том ее просто выбросит. Я заворачиваюсь в полотенце и выхожу в гостиную.

Подхожу к Тому, до сих пор валяющемуся на полу.

– Эй, Том, – трясую его, – проснись, давай.

– Что? – сквозь сон говорит он, а потом удивляется: – Бе-

линда?

– Где у тебя одежда?

Он пытается прорвать глаза, что-то понять. Я повторяю:

– Одежда. Мне надо одеться.

– На втором этаже справа гардеробная.

Гардеробная. Ладно. Я поднимаюсь в нужное место и обнаруживаю там целую комнату аккуратно развешанных стильных вещей. Все они – это Том. На стене слева от меня висят пиджаки – в два ряда, одна перекладина под потолком, другая на уровне глаз. Миллион пиджаков разных цветов и расцветок наверняка от Вивьен Вествуд. Я подхожу и проверяю этикетки у нескольких – так и есть. Тут же рядом тонна рубашек, внизу еще полтонны всякой обуви: конверсы, вэнсы, криперсы. У Тома до черта ремней, все одинаковые.

Мне становится легче, потому что это все – очень понятные и знакомые вещи. Я натягиваю на себя первую попавшуюся футболку, из ящика с нижним бельем достаю боксеры и надеваю их как шорты.

Когда я спускаюсь в гостиную, сразу заглядываю в окно, чтобы понять, где нахожусь. Мы в высотке прямо в центре Окленда. Отсюда до моего района ехать минут двадцать. Раньше мы жили рядом, но после развода Том съехал, и теперь в доме по соседству были только Марта и Джоуи. Интересно, куда съеду я, когда родители разведутся. Думать об этом тошно, так что я быстро перехожу на кухню посмотреть, что можно съесть.

В холодильнике нет ничего, кроме газировки и пива. А чего я ожидала, оказавшись в доме рок-звезды? Взяв банку колы и сев за барную стойку, я опускаю голову на ладони и сижу так, пока на кухню не заходит Том.

Он берет из холодильника бутылку пива и садится напротив. Когда заглядывает мне в лицо, то опускает взгляд. Я тоже опускаю, мне становится стыдно. Какое-то время мы сидим так, а потом Том говорит:

– Не знал, что у вас все так плохо.

Я хрипло отвечаю:

– Никто не знает.

– Мне очень жаль.

– Все нормально.

У меня болит в груди. Я добавляю:

– Том, прости...

– За что?

– Ну, за то, что было вчера. Ты не должен был стать частью всего этого дерьма.

Мы сталкиваемся взглядами, он вздыхает, качает головой. Говорит:

– Не носи чушь, если бы меня не было, все могло бы закончиться хуже.

– Да, да. Ты прав. Спасибо тебе.

– Не за что, Бельчонок.

Том выглядит растерянным.

– Еще, знаешь... – он делает паузу, подбирая слова, – ты

можешь остаться здесь, если хочешь. Я позвоню Биллу и скажу, что ты со мной.

Он смотрит на меня таким сочувствующим взглядом, что я сейчас расплачусь.

– Спасибо... – опускаю глаза, смущенная и растроганная.

– Малышка, только не плачь! – Он накрывает мою ладонь своей.

Я киваю, потому что если что-то скажу, точно зареву. Том убирает руку, продолжает говорить, но я сконцентрирована только на том, чтобы не расплакаться.

* * *

Чуть позже мы заказываем китайскую еду. Том – вегетарианскую, ведь он не ест мясо, а я – рис с курицей и ананасами. Мне становится немного лучше, потому что мы болтаем, потом смотрим телевизор.

Недолго думая я спрашиваю:

– Слушай, Том, давай выпьем пива?

Не отрываясь от экрана, он говорит:

– Хочешь снова напиться?

– Нет, просто немного расслабиться.

– Ладно. Погоди секунду. – Он встает и отходит.

Я глубоко вдыхаю и радуюсь, что Том не послал меня. На телике включен какой-то очень стремный фильм. Том возвращается с двумя бутылками, которые мы тут же открыва-

ем.

С каждым глотком голова становится все легче и легче, а тревога отступает. Том тянется к журнальному столику, вытаскивая с нижней полочки сигареты. Я усмехаюсь.

– Так вот зачем нужна собственная квартира. Чтобы никто не запрещал курить прямо в ней.

Том смеется. Закуривает и протягивает мне пачку. Потом меняет положение и ложится головой на мои колени. Мы хихикаем, курим, смотрим в телик. Я заглядываю Тому в лицо, его глаза полуприкрыты. Он улыбается.

Сюжет фильма крутится вокруг мужика-сексоголика. Если бы я была трезва, мне бы стало неловко, но сейчас мне смешно. Главный герой постоянно с кем-то трахается. Все это перемежается тупыми шутками и тем, как он ходит на терапию.

– Он как ты, – говорю я и начинаю хохотать. Если честно, мне всегда очень сложно держать свой глупый язык за зубами.

– С чего вдруг?! – возмущается Том и смотрит на меня.

– Тоже рок-звезда!

– Он больной.

– Смотри, сколько у него секса.

– Ты думаешь, у меня столько же?

– Наверняка у тебя было много девушек, – стараюсь я вытянуть шутку, спасти положение, но, похоже, это бесполезно. Том затягивается в последний раз, приподнимается, тушит

окурок в пепельнице. Я вдруг остро ощущаю необходимость вернуть его голову на свои колени.

– Совсем нет, ты правда такого мнения обо мне?

– Разве это плохо?

– Я еще год назад был женат, Белинда.

– И ты не изменял?

– Нет.

– А почему тогда вы развелись?

Том вздыхает, потирает переносицу.

– Много всего может быть кроме этого, ты ведь понимаешь.

– И как давно ты трахался? – без стыда спрашиваю я.

– Недавно, но это было ужасно.

– Да ну? Почему?

– Просто секс с проститутками не вставляет.

– Но почему с проститутками?

– Да будь это даже не они, мне нужна эмоциональная связь. Когда хочется просто слить сперму, это подойдет, но можно и просто подрочить.

Я смеюсь. Мне забавно, что он еще не потерял терпение и отвечает мне. Я продолжаю:

– Ты точно мужчина?

– Можешь проверить.

Я молчу. Том добавляет:

– А тебе нравится секс без чувств?

– Не знаю. У меня еще не было секса.

– Ясно.

– Что тебе ясно?

Он снова ложится на меня, и я выдыхаю.

– Каждому свое, на самом деле, – переводит он тему. – Ну а ты?..

– Что я?

– Сильно хочется, наверное?

– Очень, – стыдливо опускаю я глаза, поддерживая этот вечер откровений.

– Видишь, ты же не трахаешься с кем придется, даже несмотря на то что тебе очень хочется.

Я задумываюсь.

– И правда. Почему в жизни все так сложно?

Том заливается смехом, и неожиданно для себя самой я задаю вопрос:

– Слушай, а какая у тебя сейчас стадия?

– В смысле?

– Ну, знаешь... я про то самое. Маниакальная или депрессивная?

– А, ты об этом... ну, я пью таблетки. Так что сейчас все ровно, – он машет рукой, – иногда забываю, тогда начинаю ужасно злиться.

– Жестко.

Том смотрит на меня сонными глазами. Почему он кажется мне таким... красивым? Я вспоминаю:

– Знаешь, говорят, все гениальные люди страдают бипо-

лярным расстройством.

– Им много кто страдает, – пожимает плечами Том.

– Да, но... про скольких еще мы не знаем? Да никто даже не знает про тебя.

– Не хочу, чтобы весь мир был в курсе, что я психбольной.

Я закусываю губу.

– А еще говорят, в маниакальную фазу человек чувствует себя настоящим.

– Я бы описал по-другому, – задумывается Том.

– И становится чрезвычайно креативным. Все, что он делает, получается исключительным.

– Это неправда.

– И это называют по-настоящему здоровым состоянием человека. Знаешь, когда нормальное состояние оказывается патологией, а патология – самой здоровой формой.

Том щурится, улыбается и говорит:

– Я ни черта не понял, что ты сказала.

Мы смеемся.

– Это похоже на эффект от кокаина или амфетамина, – добавляю я.

– Вот с этим соглашусь.

Мы молчим, потом я спрашиваю:

– И как ты пишешь песни, когда у тебя «все ровно»?

– Никак, – тихо отвечает он.

Том как бы ставит точку в разговоре этим словом. Я даже немного расстраиваюсь, но ненадолго. Все потому, что он

наконец переключает этот глупый фильм на концерт «Ван Хален»². До того, как отправляемся спать, мы смотрим его.

* * *

Том показывает мне свободные спальни на втором этаже, в одной из которых я и провожу ночь. Я почти не сплю, вместо этого думаю, что делать. Никто из родителей пока что не интересовался мной, но завтра мать обязательно начнет обрывать телефон. Отец, скорее всего, даже не спохватится. Я не хочу возвращаться домой, не собираюсь этого делать. Когда мать это поймет, то доберется до любого, в том числе и до Тома. И если отцу будет все равно, то она не оставит это просто так. Мне в любом случае придется вернуться.

Ставить Тома в положение «выдать меня матери или быть убитым» я тоже не хочу. Так что логичным было бы уйти отсюда. Но куда?

На следующий день я окончательно решаю уйти. Краду у Тома пару футболок и одну толстовку, думаю вернуть, когда мне удастся проникнуть домой и забрать свою одежду. Его нет весь день, и я не могу уйти, оставив квартиру открытой. Когда под вечер он приходит, я целый час сижу на диване одетая и с портфелем, полным подарков с дня рождения.

Том смотрит на меня из коридора и говорит:

² Van Halen – американская музыкальная группа.

– Ты куда?

– Ухожу.

– Домой?

– Нет.

– Тебе есть куда идти?

– Ну как сказать... – Я отвожу глаза, а он подходит и садится рядом.

Вздыхает. Говорит:

– Не вижу смысла тебя отговаривать. Но если что, звони. Мой дом для тебя всегда открыт.

– Спасибо, – искренне благодарю я.

Я хотела именно этого. Не попыток меня остановить – ультиматумами, мольбами, физически. Просто принятие моего выбора.

– Слушай, я знаю, как буду звучать, – говорит Том, – но лучше сообщи родителям, где ты находишься. Чтобы они не начали искать тебя вместе с полицией.

Я вздыхаю. Киваю. Напоследок говорю:

– Я скучала по тебе.

– Я тоже.

– Спасибо, – повторяю, – до встречи.

– Что ты тут опять забыла?! Тебе больше некуда ходить?

Я сглатываю желание съязвить в ответ. Скотт кричит на меня сразу, как замечает, что я приближаюсь к трейлеру.

– Можешь успокоиться, я ненадолго.

– Проваливай скорее.

Я закатываю глаза. Алиса выходит на улицу и машет мне рукой. Наверняка ее я тоже достала.

– Привет, де... Боже, что у тебя с лицом?

– Неважно. Я ушла из дома.

– Оу, вот оно как...

– Мне надо где-то пожить, – говорю.

– Только не здесь! – кричит Скотт. – Вали отсюда!

– Я и не прошусь к вам, придурок.

– Скотт, прошу тебя, – устало говорит Алиса, но я-то знаю, что мое заявление мало кому понравится.

– Я хотела спросить... может, ты знаешь места, где я могу перекантоваться пару дней... ну, пока не придумаю, что делать? Знаешь, что-то такое, похожее на...

– Притон? – договаривает она.

Я хотела сказать «хостел», но неважно.

– Детка, тебе там не место. Иди домой.

– Алиса, пожалуйста! Это очень важно, иначе я буду ночевать прямо на улице!

– Белинда...

– Ну, пожалуйста!

– Ох... – Она смотрит на Скотта за моей спиной. – Ладно.

Есть один вариант, но лучше бы ты еще раз все обдумала. Открой карты.

Я открываю нужное приложение, и Алиса начинает объяснять. Из рассказа я узнаю о месте на самом севере города, на границе с Беркли. Она говорит, что есть места и поближе, но мне лучше туда не соваться. Сомневаюсь, что Беркли – лучший вариант, но выбирать не приходится.

Алиса дает мне точный адрес и говорит:

– Не забывай – они наркоманы. Почти все продают наркотики. Там опасно. Тебе реально там не место.

– Я буду аккуратна и не задержусь там надолго, – уверяю я, хотя на самом деле у меня нет никакого плана действий.

Я прощаюсь с ней и Скоттом, который выглядит абсолютно довольным моим положением. Не понимаю, почему он так ненавидит меня. Алиса говорила, что это – его обида на всю несправедливость мира, ведь на самом деле он хороший. Просто у меня есть все, а у него ничего. По крайней мере, он так думает.

Я добираюсь до нужного места, когда уже почти темнеет. На улице становится сильно прохладнее. Снаружи дом выглядит довольно прилично, но мне все равно до жути страшно. Район отдаленный и неблагополучный, что заставляет дергаться и вздрагивать от любого шороха. Сердце горит от

страха. Несколько минут я жду, прежде чем решаюсь позвонить. Почти сразу из дверей вываливается парень, выпуская на улицу дым и музыку. Его волосы с одной стороны покрашены в розовый, а с другой – в черный. Он улыбается и жует жвачку.

– Ты кто? – оглядывает меня с головы до ног.

– Я от Алисы.

– А, от Алисы... проходи.

Он запускает меня, и я тут же оказываюсь окутана сигаретным дымом, запахом травы и пота. Музыка играет негромко, но басы такие, что вибрирует пол. Слышатся голоса, смех. Чувствую себя неуютно, но иду за ним, а он все улыбается и пытается меня рассмотреть.

– Как тебя зовут? – спрашивает он.

– Белинда.

Мы заходим в гостиную. Тут куча людей.

– Я Скифф. Да расслабься ты, – касается он моего плеча, – вот, выпей, – хватает со стола открытую бутылку пива и засовывает мне в руку. – Ты себя видела?

– Чего?

– Рожу свою, говорю, видела?

– Отвали, а.

– Значит да. Хрена се синяк. Кто тебя так?

– Не твое дело.

Скифф ухмыляется.

– Там кухня, слева от коридора толчок. Наверху две спаль-

ни, кто первый успеет занять кровать, тот и спит. Еще у нас есть спальные мешки и матрасы. Диван. Но я рекомендую тебе спать со мной на чердаке.

– Ты живешь на чердаке? – удивляюсь я.

– Да.

– Какой стрем.

Он смеется. Кидает на меня заинтересованный взгляд и отходит на кухню. Я глотаю из бутылки, что он мне дал, и осматриваюсь: дом маленький. Кухня и гостиная здесь – одно помещение, слишком тесное для того количества людей, что здесь находится. Я вглядываюсь во всех находящихся здесь, хочу рассмотреть каждого человека. На диване два парня, смахивающие на панков: латинос и белый. Пьют пиво и оживленно спорят. У белого прямо на лице, над бровью татуировка «ОТБРОС». Рядом с ними шляются еще человек десять, ходят туда-обратно, надолго не задерживаясь. У многих цветные волосы. Девушки все разные, больше всего мое внимание привлекает афроамериканка с короткими белыми волосами до плеч. Она в коротком розовом топе и голубых джинсах, на шее болтается серебряная цепочка. Почему Алиса сказала, что мне здесь не место? Я бы смогла сюда вписаться.

– Хэй, я Стейси, – подсказывает ко мне смуглая кудрявая девчонка.

Я представляюсь. Скифф маячит рядом.

– Ты такая милая, – хихикает она. Я улыбаюсь, не могу

сдержаться.

– Если что, она моя, – говорит Скифф. Я закатываю глаза.

– Что, правда? – Стейси смеется. – Я сомневаюсь.

– Даже не думай, – отвечаю ему.

– Это мы еще посмотрим, – бросает он.

Стейси переводит тему:

– Откуда ты?

– Эм... Я из Окленда, всю жизнь тут.

– Ясно, а я из Миннесоты.

– Далековато тебя занесло.

– Мои родители умерли три года назад, и я решила уехать в Калифорнию.

– О черт... – поражаюсь я, – сочувствую...

– Все нормально, – улыбается она и отмахивается. Слишком обдолбанная, чтобы обдумывать сказанное.

Я допиваю пиво. Стейси берет меня под руку и ведет на задний двор. Скифф, словно собака, следует за нами.

– Смотри, как тут красиво... – Она обводит небо рукой. На нем россыпь звезд.

– Чем занимаешься? – спрашивает.

– Только школу закончила.

– Поздравляю! – Стейси смеется. – А я работаю в баре.

– А я пишу музыку, – с гордостью вклинивается Скифф, чем вызывает у меня смех.

– Что смешного? Думаешь, это смешно?

– Нет, что ты! Это так, само собой...

По его взгляду видно, что он не верит, но мне все равно. Стейси начинает болтать со мной, а Скифф куда-то пропадает. Я расслабляюсь, мне нравится с ней общаться. Стейси проявляет ко мне огромное внимание, так что я моментально притягиваюсь к ней, словно магнитом.

Через полчаса я успеваю напиться. Ничего нового. Я снова ненавижу себя, но пока Стейси тараторит рядом, получается не думать об этом. Чуть позже она знакомит меня с некоторыми ребятами; почти все из них обдолбаны или пьяны, так что я понятия не имею, какие они на самом деле.

– Ладно, Белинда, мне пора, – говорит Стейси, когда дело идет к ночи.

– Как? Куда? – разочарованно спрашиваю я.

– Домой. Я тут не живу.

Она прощается со всеми и уходит. Я вдруг окунаюсь в черное, непроглядное, пьяное одиночество. Мне неожиданно становится так тоскливо, что это сшибает с ног, и я сваливаюсь на единственный свободный матрас на втором этаже. Начинаются вертолеты. Очень скоро лежанка подо мной прогибается, и кто-то обнимает меня сзади. Чьи-то руки гладят мое тело, причем так нежно, что я не хочу, чтобы это кончалось. Человек прижимается к каждому моему изгибу, и отчего-то становится понятно: это Скифф. Он утыкается носом мне в шею и опалает своим дыханием. Целует. Один раз, затем второй. Меня неразумно сильно тянет к этой ласке, я разворачиваюсь, переплетаю свои руки и ноги с его. Он

целует меня в губы.

Тело, расслабленное, потерявшее контроль, взрывается. Мы целуемся и целуемся, мне хочется еще и еще. Я не знаю, кто такой Скифф, понятия не имею, чем он живет, что любит, как думает, но его тело... оно такое... твердое. Желанное. Я держусь за него и понимаю, как хочу, чтобы такого в моей жизни было больше.

Мы целуемся очень долго, но ни я, ни Скифф не переходим границ. Где-то посередине этих ласк алкоголь и усталость берут верх, и я вырубаясь.

* * *

На утро просыпаюсь от звонков матери. Как я и ожидала, она начала обрывать мне телефон. Прошло почти двое суток с того момента, как я последний раз была дома, и ее железная уверенность в том, что я скоро вернусь, таяла с каждой секундой.

Но все мои мысли занимает не мать. Все мои мысли занимают вчерашние поцелуи. Как же я давно ни с кем не целовалась. А мне хочется целоваться. И хочется большего. Тело требует, просто кричит о своих нуждах. Это невыносимо терпеть. *Хочется, хочется, хочется.* Даже дышать становится тяжело.

К обеду меня немного отпускает, а промежутки между звонками матери почти пропадают. Я вдруг вспоминаю сло-

ва Тома о том, что родители начнут искать меня с полицией. Ладно. Выхожу из дома на улицу и решаю ответить.

– Я тебя слушаю, – говорю.

– Алло, ты где? – ледяным голосом говорит она. – Почему тебя до сих пор нет дома?

Я вдыхаю побольше воздуха и со всей решительностью заявляю:

– Мам, я больше не приду домой.

– Что? Ты... что? Хватит молоть чушь, вызывай такси и поезжай домой.

– Мама, нет! Не приду. Я больше не буду с тобой жить.

– Ну и куда ты пойдешь? – издевательски спрашивает она. – Кому и где ты нужна? Будешь работать проституткой?

– Мам, хватит. Прекрати меня оскорблять!

Но она не слушает. Продолжает давить и говорить, какая я отвратительная. Я хватаюсь за голову. *Боже.*

– Я больше так не могу, – говорю.

– Бедная, несчастная, – язвит мать. – Думаешь, приятно иметь такую дочь, как ты? Глупую бездельницу и алкоголичку. Тащи свой зад домой, Белинда.

Я присаживаюсь на корточки и обхватываю себя рукой за колени.

– Все, перестань, – выплевываю, – я не вернусь домой, понятно? С тобой невозможно нормально общаться, ты постоянно меня оскорбляешь. Просто забудь о том, что я существую, и нам обоим станет лучше!

– Забыть?! – вспыхивает она. – Я-то забуду, только *ты* потом будешь ползать на коленях и просить принять тебя обратно.

– Ладно. Хорошо. Если ты так думаешь, пускай. Как скажешь. Прощай. – Я кладу трубку и блокирую ее номер.

Терпеть больше невозможно, и я начинаю плакать. Прикрываю глаза ладонью, сажусь задом прямо на землю. Стараюсь сдержаться, но получается плохо. Рядом со мной на землю садится человек. Я поднимаю глаза и вижу Скиффа. Он спрашивает:

– Че плачешь? – И не дождавшись ответа, продолжает: – Прикинь, Кевина стошнило на меня вчера, прямо после того, как я ушел от тебя. Черт возьми, ты заснула! Просто взяла и заснула! А еще я споткнулся и разбил коленку. – Он ковыряется в дырке на джинсах, показывает мне рану. – Сегодня я мылся в душе, и отключили холодную воду. Прямо когда я был в пене! Пришлось обтираться прямо так. Это из-за тебя? Ты меня прокляла?

– Скифф, отвали. Не до тебя сейчас, правда.

– Да ну. Кажется, у тебя проблемы.

– Это тебя не касается.

– Плакса Белинда.

– Ты придурок.

Он широко улыбается, смотрит исподлобья.

– Так и есть.

Я нервно вздыхаю, потому что я в бешенстве, ведь Скифф

не дал мне поплакать. Поднимаюсь и ухожу внутрь, а вслед слышу:

– Пла-а-акса! Белинда – плакса!

* * *

Какой-то парень, чьего имени я не запомнила, падает на диван прямо посреди гостиной. У него закатываются глаза и трясется подбородок. Неужели он... Вот черт. Кажется, я понимаю, что с ним происходит. Я ем лапшу из общей кастрюли и смотрю на это. Аппетит быстро пропадет. Отложив еду, я словно в бреду подхожу ближе и наблюдаю за ним. Поднимаю взгляд и натыкаюсь на Скиффа. Придурок. Он улыбается. Я скорее разворачиваюсь, чтобы слинять, но он окрикивает меня:

– Эй, плакса, куда собралась?

– Не называй меня так!

– Че сразу обижаешься? – Он приближается и опускает мне руку на плечи. – Кайфануть хочешь? – Скифф вытаскивает из кармана пакетик с белыми кристаллами и показывает мне. – Я знаю, что хочешь.

Я сглатываю. Очень хочу. Смотрю на него, но молчу. Не могу говорить, когда дело касается наркотиков. Но Скиффу и не надо ничего объяснять: он понимает все по моему лицу и утягивает за собой на чердак. Мое сердце колотится.

У него тихо играет музыка. Мы садимся на скрипучий ди-

ван, и я тут же выхватываю у него пакетик. Я знаю, что потом буду жалеть. Знаю, что убиваю себя, что добровольно принимаю яд, но... тяга к этому сильнее.

Мое сознание – белый, чистый лист. Это секундное, постоянно ускользающее, эфемерное чувство безмятежности. Это удовольствие продлится недолго, и потом будет только хуже, но сейчас...

Сквозь этот стремительный поток пробивается Скифф и снова целует меня. Наркотики – странная вещь. Под ними кажется, что целуешь самого любимого человека на планете, даже если на трезвую голову ничего к нему не чувствуешь. Вот и сейчас: наш поцелуй взрывает меня изнутри, по венам растекается сумасшедшая любовь. Прямо сейчас я люблю этого придурка самой безумной любовью, какая только существует. Я уверена, он чувствует то же самое.

Мы целуемся и утопаем друг в друге. Скифф лезет ко мне под одежду. Вдруг краем уха я слышу странный вой. Прерывающийся, подсознательно вызывающий сильный страх. Я не понимаю, что это.

– Скифф, – встревоженно говорю.

– Не ломайся, ну же...

– Ты слышишь звук?

Он молчит. Я понимаю, что это – вой сирен. Тотчас вскакиваю с дивана и подхожу к окну.

– Скифф, – сглатываю, – Скифф, тут полиция.

В окне я вижу две черные тонированные полицейские

машины и несколько копов, на жилетах которых написано: DEA POLICE³.

– Это ОБН! – Мой голос срывается, все тело начинает дрожать. Рукам становится холодно, голове – горячо.

– Ты прикалываешься?

– Нет, господи, нет, мы пропали! – Я чувствую жгучий парализующий страх. На глаза наворачиваются слезы. Скифф подскакивает ко мне и смотрит. Несколько ужасных секунд молчит.

– Вот дерьмо...

Снизу слышится стук в дверь. Очень громкий, такой сильный, что кажется, будто отдача чувствуется даже здесь. Стук повторяется. Скифф прикладывает палец к губам, и мы слушаем.

«Это полиция, откройте!»

«У нас ордер на обыск!»

Естественно, им не открывают. Копы начинают выламывать дверь, мое тело сотрясает крупная дрожь. Я чувствую, как отдаюсь звериному страху, полностью теряю контроль.

– Скифф, что делать, Скифф?... – хватаюсь я за его руку. – Нас посадят...

Он молчит, быстро закрывает мне рот рукой. Мы стоим в гробовой тишине, только снизу доносятся встревоженные голоса. На первом и втором этаже начинается беготня, крики, плач. Люди в панике. Слышатся шаги на лестнице, кто-

³ Полицейский отдел по борьбе с наркотиками в США. – (Прим. авт.)

то поднимается на чердак... Скифф срывается к двери и закрывает ее на щеколду. К нам начинают стучаться и дергать за ручку.

– Скифф, открой! Сукин сын, я знаю, что ты здесь, если не откроешь, я сдам тебя! Я снесу эту дверь!

Скифф и не думает никого пускать. Он хватается единственного стула, что здесь есть, и подпирает им дверь.

– Скифф! – кричат за дверью.

Он показывает мне рукой на окно в стене напротив, жестом говорит: «Открывай». Я делаю это, холодными трясущимися руками еле справляясь с заданием. Аккуратно выглянув в окно, я понимаю, что за углом куча полиции.

К нам на чердак продолжают ломиться. Скифф копается в комоде, скидывает какие-то вещи в рюкзак. На самом дне одного из ящиков он достает пистолет. Меня прошибает пот и накрывает ужасом – резким, оглушительным. Он засовывает пушку себе за пояс джинсов, кладет в портфель остатки наркотиков. Скифф – просто бомба замедленного действия. Идеальная цель для полиции.

Я хватаю свои вещи, и мы подходим к окну. Слышу, как внизу дверь слетает с петель, люди начинают вопить. Скифф ждет пару минут, а потом высовывается из окна и осматривается.

– Чисто, – говорит он, – но это ненадолго. Надо срочно сваливать.

Он вылезает наружу.

– Нет, нет, там же высоко, ты что! – шепчу я.

– Ты знаешь путь лучше?!

Мне приходится заткнуться. Он еле просовывается в маленькое окошко, прокатывается по пологой крыше и повисает на карнизе. Мне кажется, что он вот-вот упадет и разобьет себе голову. Но Скифф оказывается ловким: пролетает два этажа прямо в кусты и встает на ноги.

Он смотрит на меня и жестом показывает спускаться к нему. Мне очень страшно, все тело трясет, но ничего иного сейчас придумать невозможно. Я неуклюже прыгиваю прямо Скиффу на руки, он падает, бьется головой и спиной об асфальт, я ударюсь вообще всем, чем могу. В глазах на секунду темнеет от боли. Превозмогая ее, как можно скорее поднимаюсь. Скифф берет меня за руку и тянет за собой.

Аккуратно, по стеночке, мы продвигаемся к задней стене дома. Оттуда перебегаем к производственному зданию напротив, уходим вглубь жилых массивов. Сердце колотится так, что занимает собой всю грудную клетку. Позже, когда кажется, что угроза миновала, меня отпускает, становится очень больно и резко клонит в сон.

Мы плетемся по пыльному тротуару спального района, хромые, вымотанные и помятые. По дороге тихо проезжают машины. Мне плохо. Хочется вывернуться наизнанку от тошноты и усталости.

Когда я теряю всякое ощущение реальности, то слышу визг тормозов и свист шин. Только не это... Нас подрезает

полицейская машина. Копы включают сигналки, выходят и направляют на нас пистолеты. Я стою без движения, в голове только мольбы о том, чтобы они не стреляли.

Один из полицейских подносит ко рту громкоговоритель:
– Оставайтесь на своих местах, иначе мы будем стрелять. Не двигайтесь и поднимите руки. Так, чтобы мы видели ваши ладони!

Они подходят, лапают нас, вытаскивают у Скиффа пушку. Потом скручивают, грубо надевают наручники.

– Вы задержаны по подозрению в хранении и распространении наркотиков. Мы отвезем вас в участок для досмотра. Сопротивление будет расцениваться как признание вины.

Я теряю дар речи, от страха перед глазами мелькают звездочки. Полицейские запихивают нас в машины и увозят прочь.

Копы ставят наши вещи на стол и велят встать напротив них.

– Сейчас мы откроем ваши сумки и достанем все вещи у вас на глазах, – говорит женщина в форме и руками в перчатках со знанием дела принимается за рюкзак.

Меня все еще кроет. Лица людей, их одежда и надписи на ней расплываются.

– Это ваша одежда, сэр? Вся? – спрашивает полицейская у Скиффа.

Он кивает.

– У вас есть документы на пистолет, что был при вас?

– Нет, – мямлит он.

Дальше она достает пакет размером с мою руку с белым блестящим порошком. Я шокированно открываю рот. Не могу выдать ни слова.

– Что это? – спрашивает она.

– Я не знаю, – шепчет Скифф.

– Вы сказали, это ваши вещи. Откуда здесь этот пакет?

– Не знаю, наверное... наверное, кто-то положил... – Скифф сглатывает.

– Кто-то положил это вам в сумку? – уточняет она.

– Н-наверное...

– Поскольку этот пакет найден при вас, мы на ваших гла-

зах должны провести экспресс-анализ с помощью химического реагента. Если появится лиловый цвет, это наркотик.

Полицейская достает из кармана упаковку со смоченными ватными палочками. Берет одну из них и касается вещества внутри. Цвет сиюминутно становится лиловым.

– Наркотик. Сэр, вы арестованы.

Скиффа пристегивают к решетке, которая служит одной из стен этого помещения. Следующая на очереди я. Копы забрали у нас документы, и сейчас женщина разглядывает мои водительские права, сравнивая с лицом. Потом лезет в сумку и выкладывает вещи одну за другой. В самом конце из бокового кармана она достает два билета на Янгблада и маленькую голубую коробочку с бантиком. Мои подарки со дня рождения. До сих пор в сумке. Я смотрю на копа, она вытаскивает пакетик с порошком и показывает мне. Потом вглядывается в мои глаза. Ее лицо расплывается – нос, губы, глаза ходят по кругу.

Дальше все размыто. Нас отводят в следующую комнату, еще раз обыскивают. Делают фотографии с номерами в профиль и анфас, берут кровь. На этом моменте в глазах темнеет, и я теряю сознание.

* * *

Прихожу в себя уже в камере. Внутри темно, никаких окон, лишь одно маленькое и узкое окошко в двери. Холод-

но. Голова кружится. Тело постепенно отходит, трясется; начинает накатывать страх. В камере я одна. Мне страшно, очень-очень страшно. Я не понимаю, что делать, как я умудрилась влипнуть в такое дерьмо и что теперь будет с моей жизнью.

Спустя время ко мне в камеру заходят.

– Шнайдер, тебе пять минут на звонок, – с этими словами полицейский дает мой мобильный и закрывает дверь.

Руки дрожат, дыхание сбивается, я судорожно ищу номер отца в вызовах. Набираю его, жду ответа. В трубке звучат гудки, один за другим. Он не берет, и вызов сбрасывается.

– Давай, пап, ну пожалуйста, ответь, прошу тебя! – умоляю я и набираю снова. Ничего.

– Черт, черт, черт, что б тебя... – закрываю глаза рукой.

Я теряю драгоценное время и ничего не получаю в ответ. Пару секунд проходит в кромешном ужасе, прежде чем я нахожу номер Тома в телефонной книге, а вместе с ним и хоть какую-то надежду. Я тут же набираю его.

– Алло? Белинда?

– Господи... спасибо... – всхлипываю я в ответ.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спрашивает он.

– Да, боже... Том, пожалуйста, помоги, я в полиции, у меня нашли наркотики, я не дозвонилась отцу и не знаю, что делать, у меня пять минут, – на одном дыхании выпаливаю я. – Пожалуйста, позвони ему, мне очень нужна помощь, я понятия не имею, что делать... Том?

Он молчит пару секунд, потом говорит:

– Успокойся. Все будет хорошо. Мы тебя вытащим. Не разговаривай с копами, ничего им не говори, поняла? Белинда, ты поняла?

– Да, да, я поняла.

– Я пришлю тебе адвоката, говорить будет он. Если будет допрос, молчи, понятно? Как бы на тебя ни давили, ничего не говори. Я постараюсь все сделать как можно скорее. В каком участке ты находишься?

– Я не знаю...

– Ты имеешь право узнать. Спроси прямо сейчас.

Я стучу в дверь, спрашиваю, а потом передаю Тому.

– Я свяжусь с Биллом. Все будет хорошо, слышишь?

– Да, слышу...

– Шнайдер, время, – говорит офицер.

– Все, пока, – бросаю трубку и возвращаю телефон полицейскому. Он закрывает меня, и я снова остаюсь наедине со страхом в тишине и темноте.

Время в камере течет невозможно медленно и мучительно. Вокруг только серые стены и унитаз с раковиной. Кровать – большой выступ в стене с тоненьким матрасом сверху. Я хожу по помещению туда-сюда, сердце стучит до боли быстро. Ладони потеют и замерзают, я согреваю их собственным дыханием. Потом сижу на кровати какое-то время и повторяю этот ритуал снова.

Когда дверь камеры открывается, я вздрагиваю. На пороге

появляется темноволосая взрослая женщина в костюме. Она представляется адвокатом и называет свое имя, которое я сразу же забываю. Она говорит:

– Мисс Шнайдер, времени на долгий разговор у нас нет, так что вы должны четко и быстро рассказать мне всю правду о том, что произошло.

Я рассказываю ей историю с того момента, как Алиса вручила мне подарок на дне рождения, и вплоть до того, как его обнаружили у меня в рюкзаке. Она внимательно слушает, а потом спрашивает:

– Как давно вы употребляете наркотики?

– Месяца... – я опускаю взгляд, – четыре, наверное. Я не помню.

– Девушка, что вручила вам наркотик, – ваш наркодилер?

– Эм... да, наверное, так можно сказать.

– Как она выглядит?

Я описываю Алису, после чего следуют еще несколько вопросов о ней: где она живет, сколько ей лет и много-много о том, чего я не знаю. В конце адвокат говорит:

– Полиция еще не завела на вас уголовное дело, и я сделаю все возможное, чтобы этого не случилось. Есть вероятность, что получится решить этот вопрос иначе. Если нет, будем добиваться оправдательного приговора. В вашем случае это вполне реально.

Я сглатываю, ничего не могу ответить. *Оправдательный приговор.* В моей голове оправдательные приговоры касают-

ся убийц, насильников и мошенников, а я ведь ничего не сделала...

Наша встреча заканчивается. От всего услышанного мутит и кружится голова. Я настолько устала и ослабла, что как только оказываюсь на твердой тюремной кровати, то сразу проваливаюсь в небытие.

Просыпаюсь словно после страшного кошмара, будто не спала вообще. Сколько времени прошло, не знаю. По ощущениям – целая ночь. Произошедшее воспринимается словно что-то нереальное, просто выдумка. Только чувство омерзения к себе и миру дают понять, что все взаправду. Почти сразу в камеру заходит офицер и застегивает на мне наручники.

– На выход, – командует он, – за мной.

Я повинуюсь, плетусь следом в ужасе от предстоящей неизвестности. Он заводит меня в комнату для допроса, где находится только стул с двумя стульями, лампа и затемненное окно. Офицер сажает меня напротив и кладет стопку бумаг на стол.

– Простите, мой адвокат... Я не буду говорить без нее, – испуганно мямлю я.

– Тебе не понадобится адвокат.

Я замолкаю. Что это значит? Полицейский молчит, к моим глазам уже подступают слезы. Офицер представляется и начинает:

– Белинда, ты понимаешь, что нарушила закон штата Ка-

лифорния о наркотических веществах, их приобретении, хранении, перевозке, распространении, изготовлении и переработке?

Сердце переворачивается от его слов. Он повторяет:

– Белинда, отвечай. Ты понимаешь, что нарушила закон?

– Понимаю, – тихо говорю.

– Ты знаешь, что твои противоправные действия наказываются лишением свободы на срок от трех лет?

Я сглатываю.

– Нет, не знаю...

– Приговор по таким делам выносится по принципу прецедента, исходя из существующих решений подобных дел. В твоём случае это семь лет, для твоего друга – двенадцать.

Я чувствую леденящий ужас, охватывающий тело. Руки начинают неметь, щеки пылают.

– Наркотики – это не развлечение, Белинда. Наркотики в твоей сумочке – это не легкий сиюминутный кайф, а преступление против страны и государства. Ты это понимаешь?

Я киваю.

– На тебе как на гражданке Америки лежит моральная и правовая ответственность перед обществом. Твоя противоправная деятельность должна повлечь за собой наказание, ты согласна?

Оцепенев, я выдавливаю из себя:

– Согласна...

– Ты понимаешь, какие тебя ждут последствия?

– Понимаю...

– Какие?

– Тюрьма.

– Верно.

Я смотрю куда угодно, только не на полицейского. В голове шум, меня лихорадит.

– Вставай, – говорит он мне и под руку выводит наружу.

Офицер тянет меня по коридору, мы заходим в комнату с камерами хранения. В одной из них оказываются мои вещи: все, что было при мне и что у меня забрали – портфель, телефон и удостоверение. Полицейский расстегивает на мне наручники и вручает вещи.

– В этот раз ты отделалась легким, подчеркиваю – легким – испугом, Белинда. В следующий раз тебе так не повезет. Я надеюсь, ты все поняла. На выходе распишешься за получение вещей.

Я стою, словно парализованная, прижимаю к себе рюкзак и часто дышу. На негнущихся ногах выхожу наружу и иду по указанному шерифом направлению. В ушах звенит. Попадаю в большой светлый вестибюль; глаза, отвыкшие за сутки от дневного света, пронзает боль.

– Белинда! – слышу знакомый голос. Сбоку ко мне подбегает Том, а следом его охранник. Адвокат тоже оказывается рядом.

– С тобой все хорошо? Тебя не трогали? – спрашивает Том.

– Все хорошо. Мне надо сесть.

Я опускаюсь на лавку у стены и утыкаюсь лицом в ладони, пытаюсь справиться с диким желанием блевануть.

– Точно все нормально? – опять спрашивает он.

– Ее до смерти напугали, – отвечает адвокат.

– Меня тошнит.

– Принеси воды, – говорит Том охраннику и садится рядом со мной.

Он обнимает меня за плечо, наклоняет к себе. От его знакомого, приятного запаха мне сразу становится спокойнее. Постепенно я начинаю осознавать, что все обошлось. Охранник вручает мне пластиковый стакан с холодной водой, после которого желудок скручивает боль. Кажется, последний раз я ела еще вчера.

– Лучше? – спрашивает Том.

– Да.

– Хорошо. Тогда уедем отсюда.

Я киваю. Что угодно, лишь бы выбраться из этого места и забыть все как страшный сон. Я оглядываюсь по сторонам, и до меня вдруг доходит.

– А Скифф? – спрашиваю я.

– Какой Скифф? – смотрит на меня Том.

– Со мной был парень...

– А, да... малышка, забудь о нем. Ему не помочь.

– Ясно, – спокойно говорю я, но внутри все пылает.

На выходе из отделения, прямо у дверей, нас ждет боль-

шой черный «Мерседес». Охранник открывает нам двери, сам садится на переднее сиденье. Машина трогается с места, мы все дальше и дальше отъезжаем от участка.

– Где папа? – вдруг спрашиваю.

Том вздыхает. Смотрит в окно. Я не могу терпеть его молчание.

– Ты ему не дозвонился?

– Он отключил телефон. Твоя мать сказала, что он не дома. Не было времени искать.

– Ясно...

Я опускаю взгляд.

– Эй, – зовет меня Том, – уверен, с ним все хорошо.

– Спасибо тебе, – говорю я, – и прости.

– Все нормально.

Мы замолкаем, но, кажется, Тому еще есть что сказать. Я смиренно жду, когда же он даст волю своему гневу и выскажет мне все.

Но вместо этого он наклоняется ко мне и доверительно произносит:

– Слушай, Белинда... будь осторожнее в следующий раз, ладно?

– Следующего раза не будет, клянусь...

– Я тебя ни в чем не обвиняю, не надо клясться. Просто... ты такая молодая и тебе ничего не страшно. Я это понимаю, но хочу сказать, не надо таскать по городу наркоту.

Я кусаю губы, смотрю в окно. Мне нечего ему ответить.

– И еще... если ты употребляешь наркотики... делай это как угодно, только не через шприцы. Никаких шприцов.

Мне вдруг становится невероятно стыдно, прямо до боли. Уши загораются, я спешу спрятать их под волосами. Чувство стыда такое всеобъемлющее и невозможное, что мне хочется спрятаться от Тома и никогда ему не показываться. Я киваю.

– Я больше не буду иметь с этим дел... правда... Прости, прошу...

– Всякое дерьмо случается, – обреченно говорит Том.

Я немного медлю, но потом все же спрашиваю:

– Ты рассказал маме?

– Конечно нет.

Я облегченно вздыхаю.

Те времена запомнились мне сплошным темным пятном, будто на улице всегда была ночь и я несколько лет не видела солнечного света.

Мне было девять, и единственное, что доставляло мне радость, – игры с моими друзьями-соседями. Мы бегали по домам, катались по району на велосипедах, устраивали соревнования из разряда «кто дальше прыгнет» или «кто больше всех отобьет мяч от земли». В эти моменты я забывалась, абстрагировалась от всего, что происходило дома, и была обычным счастливым ребенком.

Ничего не отличало меня от других, кроме одного: гулять я выходила редко.

Я не могла просто взять и уйти из дома, как делали это другие дети. Когда я видела, как свободно они могут перемещаться, то до дрожи завидовала. Мне так делать было нельзя.

Мама разрешала мне выходить из дома только тогда, когда я уберусь в квартире. Но уборка в понимании моей мамы – это явно не то, что имеют в виду все нормальные люди.

Все должно было выглядеть идеально. Ни одной пылинки на полке. У всех вещей есть свои места, и не дай бог какой-то из них оказаться не там.

Брызги на зеркале, отпечатки пальцев на ручках дверей – я протирала их каждый раз, когда они появлялись. Каждый

день забиралась под потолок и стирала пыль с лампочек – едва ли хоть кто-то из людей делает это чаще, чем раз в неделю.

Если у мамы было плохое настроение, мне могло влететь за крошки на столе. Я до сих пор вспоминаю те годы с содроганием.

В тот день я очень хотела играть с друзьями. Но вот незадача – кран в моей ванной комнате протекал и оставлял лужицы в ванной. Я знала, маме это не понравится, и если она увидит их, то никуда меня не пустит.

В голове созрел план. Я выдраила полы до блеска, вытерла всю пыль и быстро закрыла окна – всегда так делала, потому что знала: с улицы летит пыль и к тому времени, как мама придет проверять, она снова осядет на полки. С той же целью я выключила вентиляцию. А потом сделала гениальную, по моему мнению, вещь: перекрыла в доме воду.

Я знала, никакие оправдания не помогут – мама не будет слушать, что кран протекает, поэтому избавилась от проблемы как могла.

И это сработало. Пройдя ее доскональную проверку, я побежала к друзьям.

Несколько счастливых часов я веселилась, но когда вернулась домой, окунулась в сущий кошмар. Мама не оценила то, что я сделала, потому что не смогла принять душ.

Тогда в первый раз у нее по-настоящему сорвало крышу. Как только я зашла в квартиру, она стала кричать на меня и ударила.

– Не корми его своей вегетарианской едой, ему надо есть нормально, – говорит Марта, – и не пей при ребенке.

– Разумеется, – отвечает Том.

Я проснулась минут пять назад и теперь стою у лестницы на втором этаже, слушаю разговор внизу.

– Папа, я хочу в «Макдоналдс»!

– Никакого «Макдоналдса»! – шипит Марта.

– Ну мама!

Том смеется, говорит:

– Я позвоню тебе завтра вечером.

– Не забудь дать Джоуи таблетки.

– Конечно. До встречи.

– Пока.

Входная дверь за Мартой закрывается, и я наконец-то спускаюсь. На звук моих шагов Том и Джоуи оборачиваются.

– Белинда! – удивляется малыш. Он срывается ко мне и обнимает, прижимается щекой к животу. Я обнимаю его в ответ, глажу по голове.

– Ты пришла поиграть со мной? – спрашивает он.

– Ну конечно! Я уже соскучилась.

– Как прошел день рождения?

– Было круто... жалко, что тебя не было.

– Мама сказала, мне нельзя там быть...

– Моя сказала так же, – смеюсь я, но на душе гадко.

– Джоуи, куда ты хочешь? – спрашивает Том у сына и опускается перед ним на колено. – Чем хочешь заняться?

– Хочу играть с Белиндой. Не хочу никуда.

Джоуи так искренне и крепко обнимает меня. Улыбается самой лучезарной улыбкой из всех, что я когда-либо видела. Я чувствую от него нескрываемую детскую искренность. Мне хорошо, ведь я так скучала по ощущению добра, совсем отвыкла от него. Никогда бы не подумала, что эти эмоции мне подарит ребенок.

– Малыш, ты что, влюбился в Белинду? – посмеивается Том, глядя на нас.

– Да, – смело отвечает Джоуи.

– Оу, – говорю я.

– И что тебе в ней нравится? – спрашивает Том.

– Она красивая.

– Позовешь ее замуж?

– Да.

– Хочешь поцеловать ее?

– Да.

Том смеется и смотрит на меня.

– Ну давай в щечку, – говорю я Джоуи и наклоняюсь к нему. Он без промедлений чмокает меня.

Дальше мы решаем поесть. Джоуи по-прежнему настаивает на «Макдоналдсе».

– Папа, я буду то же, что и ты, – говорит он.

– Там не будет мяса, – предупреждает Том.

– Я не люблю мясо! Мясо – это невкусно!

– Хорошо. Только не рассказывай маме.

Джоуи кивает.

– А я буду мясо, – вмешиваюсь, – хочу «Биг Тейсти». М-м-м... вот что я люблю.

Следующие два часа мы тратим на поход в «Мак». Проводить время с Джоуи и Томом – замечательно, я почти полностью забываю обо всех проблемах. Когда после долгой прогулки мы возвращаемся домой, Джоуи просит Тома сыграть с ним на барабанах. Наверху здесь целая мини-студия, с кучей техники, микрофоном, несколькими гитарами и барабанной установкой. Я сразу вспоминаю, как папа и Том в детстве учили меня играть на гитаре. Тогда, конечно, эти двое были совершенно другими. Все было другим, и эти воспоминания теплые, приятные, такие трогательные, что хочется плакать. Я вспоминаю об отце и решаю отойти позвонить ему. Как и говорил Том, его телефон выключен. Внутри поднимается волнение, я представляю, будто с ним что-то случилось, и в голове мелькают страшные варианты развития событий. Чтобы не думать об этом, скорее возвращаюсь обратно.

– Я хочу быть как папа, – говорит мне Джоуи. – Тоже хочу играть в группе и выступать перед людьми!

Наклонившись к нему, я с улыбкой отвечаю:

– Ты вырастешь и будешь в сто раз круче, чем он!

– Я не хочу быть круче, я хочу быть как папа.

Том подкручивает для Джоуи барабаны, чтобы те были ниже, пока тот вертится на стуле. Мне с ними так хорошо, ведь я чувствую любовь, которой не существует в моей реальности, в моей семье. Она так пленит меня, ради этой любви я готова сделать что угодно. Я совершенно точно зависима от всего, что ее касается.

– Белинда, возьми гитару, – говорит Том.

– Что?

– Возьми, ты ведь умеешь играть.

– Я так давно этого не делала...

– Руки вспомнят. Давай. Сыграем все вместе.

Том дает мне свой любимый «Гибсон», а сам берет бас от «Фендер». Получается у нас не очень, один Том действительно круто играет. Джоуи стучит криво, а я постоянно промахиваюсь с аккордами. Но это все совершенно неважно – важно только то, что мы вместе и нам хорошо.

Долго играть не выходит: Джоуи не отличается усидчивостью, и теперь ему хочется переключиться на какое-нибудь другое занятие. Том говорит, что это у мальчика от него, но мне слабо верится. Весь оставшийся вечер мы смотрим мультики. Спустя несколько полуторачасовых мультфильмов у всех слипаются глаза.

– Хочешь спать? – спрашивает Том у сына.

– Угу...

– Пойдем наверх, – говорит он и тянется к Джоуи, но тот

протестует.

– Я хочу спать с Белиндой! – Малыш сидит, вцепившись в меня мертвой хваткой. Я улыбаюсь.

– Ладно, так и быть, идем, – говорю.

Я беру сонного Джоуи на руки, и мы поднимаемся наверх. Том такой же сонный и такой же милый, спотыкается на лестнице на верхней ступеньке. Мы укладываем Джоуи в ту кровать, в которой я сплю, а затем Том шепотом зовет меня ненадолго выйти.

Когда мы оказываемся в коридоре, он тихо спрашивает:

– Ты же не против?

– Конечно нет.

– Не устала от него?

Мотаю головой:

– Я люблю Джоуи.

– Ты как? – спрашивает Том.

– Волнуюсь за отца. Почему он не отвечает? – хнычу.

– Не знаю... веселится?

– Вдруг с ним что-то случилось? Вдруг он умер?

– О, малышка, – Том успокаивающе улыбается и касается моего запястья, – если бы все мы умирали, когда уходили в загул...

– Но вдруг...

– С ним все хорошо. Уверяю тебя.

– Ладно.

Том ехидничает, переводя тему:

– Обезьянник не снился?

– Боже, нет... – опускаю взгляд в пол. – Мне так стыдно за этот случай... ужасно стыдно.

– Да брось, было весело.

– Чего?! – хмурюсь я.

– Ну, знаешь, этот момент бешеного адреналина... страх, когда сердце стучит и приходится решать все в панике. Я испугался. Я буквально чуть не обоссался, когда ты позвонила. Никогда больше так не лажай.

Я улыбаюсь и одновременно киваю. Становится легче. Так мы стоим еще пару минут, а потом желаем друг другу спокойной ночи и расходимся по комнатам.

* * *

Часов в шесть следующего дня Марта приезжает за Джоуи. Я жду в спальне, чтобы она меня не увидела. В это время снова пытаюсь дозвониться до отца – бесполезно.

Когда слышу, что Марта и Джоуи ушли, то скорее спускаюсь к Тому и говорю:

– Можно взять твою машину?

– Бери, – отвечает он и начинает оглядываться в поисках чего-то. – Только у водителя сегодня выходной. Черт его знает, где ключи от машины...

Он проходит в коридор и принимается копаться в ящиках. Я медленно подступаю ближе, заглядываю Тому за плечо.

- А, вот, – он подбрасывает связку в ладони, – надолго?
- Хочу съездить домой, взять хоть что-нибудь из вещей.
- А что с матерью?
- Ее сейчас не должно быть дома. Ну, я надеюсь, что ее нет.

Том оборачивается ко мне, поджимая губы.

- Съездить с тобой?

На несколько секунд я задумываюсь, опускаю взгляд. Но потом все же решаю:

- Да. Да, пожалуйста. Так будет лучше. На всякий случай.

Он кивает. Мы обуваемся и выходим из квартиры. Когда спускаемся на парковку, то за руль все равно сажусь я: несколько лет назад Тома лишили прав, после того как он устроил пьяную аварию, влетев в фонарный столб.

До дома двадцать минут пути. Пока мы едем, не разговариваем. Том сидит в телефоне, а я смотрю на дорогу и в навигатор. Думаю, вдруг отец уже дома? Вдруг он вернулся? Кажется, я еду домой совсем не за вещами. Когда мы подъезжаем, сердце стучит в два раза быстрее обычного.

Я медленно открываю дверь в высоком заборе, отключаю сигнализацию. Иду тихо, Том также бесшумно ступает позади. Сад перед домом как всегда ухожен, газон подстрижен. Машины матери на парковке нет, но отцовская стоит. В груди теплится наивная надежда.

Дверь оказывается закрыта лишь на один замок: обычно родители всегда запирают ее на два. Внутри темно. Пусто и

тихо. Одного взгляда мне достаточно, чтобы понять: здесь никого нет. Внутри меня что-то обрушивается, и пару секунд я стою не шелохнувшись. Том проходит в гостиную. Мне стоит больших трудов взять себя в руки.

– Чисто, – заключает он.

Я киваю.

– Ладно, тогда я наверх.

– Мне убить твою мать, если она зайдет?

– Ха, – улыбаюсь, – боюсь, мертвым окажешься ты.

Том смеется. Говорит:

– Она меня ненавидит.

– Меня тоже. Есть хоть кто-то, кого она любит?

– Да плевать, – бросает Том и отходит рассмотреть безделушки на полках.

Не могу сказать, что мне тоже. Я поднимаюсь в свою комнату, аккуратно ступая по лестнице, словно боясь кого-то спугнуть. Мне становится грустно. Над кроватью по-прежнему висят плакаты с Янгбладом и Лил Пипом, над столом – карта с отмеченными странами, в которых я была. На полу пробковая доска с фотографиями на полароид. Не знаю, вернусь ли когда-нибудь сюда снова. Надеюсь, что нет.

Я подхожу к столу и выдвигаю из него длинный ящик – там бардак, как я и оставляла. Из-под листов и остального мусора достаю рамку с фотографией: на ней запечатлены мои родители. Мама давно убрала все семейные снимки, но один из них мне удалось стащить.

Это их свадьба. Я тоже тут есть, но только они обо мне еще не знают. Мама как-то рассказывала, что на следующий день узнала о беременности. Мне был месяц.

Над фотографией надпись: *Билл & Линда Шнайдер*. Родители издевались надо мной всю жизнь: с того самого момента, как я родилась и они сложили свои имена и назвали ими меня. А потом решили развестись.

Я оставляю фотографию в столе. Скидываю в сумку все самые нужные вещи и остальные, какие влезают. Беру всякое барахло, даже не глядя на него. Набиваю сумку вещами и спускаюсь на первый этаж.

Когда мы с Томом уже собираемся уходить, входная дверь вдруг открывается. Я пугаюсь, приглядываюсь...

– Пап? – спрашиваю.

Мы с Томом замираем, смотрим, как отец появляется в дверном проеме. С шеи будто падает камень, и я радостно говорю:

– Папа! – срываюсь к нему, почувствовав, как Том пытается удержать меня за руку. – Где ты был?

Отец пошатывается, и я останавливаюсь.

– Пожалуйста, дочка, можешь так не кричать? – хрипит он, пытаясь снять куртку непослушными руками.

– Что с тобой? – тихо спрашиваю, замечая, как он качается в разные стороны. – Ты что, пьян?

– Детка, совсем немного...

– Да ты шатаешься, пап!

– Бель... Бельчонок. У папы были выходные. Папа немного отдохнул...

Так и не сняв косуху, отец нетвердым шагом проходит в гостиную и валится на диван. Откинув руку Тома, я подхожу к папе.

– Ты обещал мне не пить! Папа, сколько можно, мы ведь говорили об этом!

Где-то на подкорке маячит мысль: «Ты стала такой же, Белинда. Ты поступаешь точно также, как он», но я прогоняю ее. Я не чувствую вину. В конце концов, я такая, потому что он такой.

Папа складывает руки в умоляющем жесте.

– Из... извини меня, Белинда... Прости дурака. Это в последний раз.

– Да что ты несешь! – взрываюсь я. – Ты постоянно обещаешь и никогда не выполняешь! Пап... я прошу тебя, перестань...

Слезы подступают к глазам. Лицо загорается, и сквозь плену я вижу Тома, с сожалением смотрящего на нас. От этого становится так больно, что я зажмуриваюсь.

– Малышка, поговорим з-завтра... – Отец заваливается на диван, не раздевшись.

– Пап! – кричу. – Черт! Ты опять напился, и опять тебе нет дела до меня! Пока тебя не было, меня чуть не посадили!

– Да, да... – кивает он и закрывает глаза, проваливаясь в сон.

Пересекая гостиную, Том подходит ко мне. Обнимает меня за плечо и говорит:

– Идем отсюда. Ты все взяла?

– Да, но... как я теперь уйду? – Я поднимаю на Тома заплаканные глаза.

Он прижимает меня к себе сильнее.

– Поехали, Белинда... Он все равно не в состоянии общаться.

Я смотрю на отца, который уже заснул. Всхлипываю, вытираю слезы и сопли и слушаюсь Тома. Пока мы покидаем дом, я плачу. Потом, сев в машину, прокручиваю в голове картинки, где мой папа трезв и уравновешен, беспокоится обо мне и моей жизни. Он обнимает меня, интересуется, все ли хорошо. Что бы я сказала ему?

«Пап, я попала в полицию»?

«Пап, мне негде жить»?

«Пап, я употребляю наркотики»?

«Пап, мне плохо»?

И много-много-много чего другого. А он лишь печально улыбается, говорит, что любит и со всем поможет. Он говорит мне, что я молодец и со всем справлюсь.

Трогаюсь с места. Отстраненно смотрю на дорогу, думая об отце. В какой-то момент из меня вырывается:

– Ненавижу, когда он такой...

Том молчит, смотрит в окно. В тишине мы доезжаем до его дома.

Что происходит, когда ребенок чувствует убийственную тоску и ни в чем не видит смысла?

Мне было одиннадцать, когда у церкви я увидела бездомного, просящего милостыню. Он сидел, упираясь коленями в картонку, наклонившись головой вперед. У него не было пальцев на руках. Вернее, были только мизинцы. По одному на обеих кистях, а остальное – обрубки, обтянутые блестящей кожей.

Мама оттянула меня за шиворот от церкви и повела в парк, но я больше не хотела гулять. Чувство в груди, острое, невыносимое, тошнотворное, поглотило меня. В глазах помутнело от слез. Я не могла понять, что происходит, не думала, что для плача есть причины, поэтому сдерживалась. Бездомный без рук не покидал мысли, мне было грустно и горько от его увечий и беспомощности. Я не знала, как сказать о своей боли, а когда пришла домой, то легла на кровать и уставилась перед собой. Мне было плохо. По-настоящему, по-взрослому плохо. Я долго и тихо плакала, не хотела ни с кем общаться, только свернуться в клубок и прекратить уже наконец эти мучения.

Кажется, я до мелочей запомнила первый в своей жизни приступ мертвенной тоски. Увиденные несправедливость и жесткость мира послужили спусковым крючком. Тогда я

начала задавать себе вопросы, не свойственные одиннадцатилетним детям. В чем вообще смысл всего, что я делаю? Зачем мне, например, учить математику? Это ведь просто закорючки на листке, которые придумали люди. Это было лишь чьей-то дурацкой выдумкой, которую я отказывалась понимать, а все вокруг кричали на меня, обвиняя в безответственности.

Зачем мама заставляла меня расчесываться каждый день? Ведь мои волосы выглядели нормально и без этого. Или необходимость постоянно стирать пыль даже с тех мест, которые я не вижу... Ничего плохого не происходило из-за того, что пыль лежала на полках. Мне покупали красивую одежду, но я не понимала, зачем она мне нужна.

Почему пишется так, а произносится по-другому? Зачем так делать? Кто за это ответственен? Какой смысл?

Я появилась в этом мире без какого-либо ориентира, цели, никто вокруг не стал подсказывать дорогу. Я должна была стирать пыль, расчесывать волосы и учить математику. Все, что я делала, казалось бессмысленным. Мне было одиннадцать, и меня убивала бесцельность этой жизни. Я не понимала, зачем живу.

Иногда мне становилось лучше, но ненадолго. Когда мы путешествовали, не успевая даже вздохнуть между переездами и концертами, у меня не оставалось времени думать о плохом. Когда я не была в одиночестве, то забывала о себе. Но когда в семнадцать я осталась наедине с собой, практи-

чески запертая в школе или дома, то небо со всей своей тяжестью и темнотой обрушилось на меня. Я оказалась в такой непроглядной, вязкой тьме, которую даже представить не могла. И тогда в моей жизни появились наркотики.

* * *

В квартире у Тома уютно. Красиво. Тепло и спокойно. Я слоняюсь по ней уже который час, сижу в телефоне, листаю «ТикТок» и «Инстаграм»⁴. Мое экранное время возросло до тринадцати часов в сутки. Мне хочется застрелиться.

Мысли тягучей жвачкой обволакивают мозг. Кажется, еще вот-вот, и мои мозги вытекут через уши, после очередной просмотренной фотографии со счастливыми и успешными людьми. Я откладываю телефон и втягиваю сопли, чувствую себя больной. Наверное, простудилась, пока сидела в полиции. Но спустя час или два я понимаю: все не так просто.

Начинает раскалываться голова и становится сложно дышать, я резко проваливаюсь в лихорадочный бред. Мозг работает с неистовой силой. В мыслях плывут странные обрывки воспоминаний из детства. Кадр: родители улыбаются и смеются. Кадр: папа целует маму, когда-то очень давно, словно я вообще себе это придумала. Кадр: наш старый дом в

⁴ Деятельность платформы Meta Platforms Inc. и ее соцсетей Facebook и Instagram запрещена в России.

Джинглтауне, в котором мы жили до того, как переехали в самый богатый район Окленда. Кадр: я, самолет, куча людей, мать, отец, Том и «Нитл Граспер», отправляющиеся колесить по всему свету. Кадр: Европа, с ее уютными, маленькими, старыми городами. Кадр: Азия, кишущая людьми, небоскребами и инновациями. Кадр: жаркая, одновременно дикая и современная Австралия.

Я прихожу в себя от того, что глаза режет свет. Уже вечер, я включила лампы давно, но сейчас смотреть на них стало невыносимо больно. По глазам будто проходятся лезвием. Я покрываюсь испариной.

Что со мной, не понимаю. Хочется взвыть. Сажусь на диване, обхватив колени руками. Тело трясется крупной дрожью. Собственные руки кажутся желтыми палками, воткнутыми в плечи. Я вдруг замечаю, что зубы стучат, а челюсть сводит от боли. Господи, что происходит?

Я не понимаю, что делать, как вдруг... на ум приходят наркотики, и все становится понятно. Мне нужно обдолбаться. Только это поможет. Я готова на что угодно, лишь бы сделать это как можно скорее.

Мысль об этом придает сил. Я поднимаюсь с дивана, хватаю телефон. От резких движений начинает тошнить. Неважно. Вырвет – хорошо, не вырвет – тоже неплохо. Я ползу до коридора, по дороге выключая лампы, в темноте копаюсь по курткам Тома в поиске ключей. Есть! Я сжимаю их в руке, ужасаясь тому, как все кружится перед глазами.

Натягиваю обувь и уже собираюсь выходить, как вдруг дверь открывается, и на пороге появляется Том. Из коридора на меня бьет свет.

– Ай! – вскрикиваю я и отворачиваюсь.

– Ты чего? – спрашивает он и заходит в квартиру. Щелкает по выключателю.

– Выключи... выключи свет!

Я закрываю глаза ладонью, опускаюсь на пол. Слышу, как Том кидает ключи на тумбочку, а потом присаживается на корточки передо мной.

– Что с тобой? – аккуратно спрашивает.

– Все хорошо, – пытаюсь посмотреть на него и улыбнуться, но зубы предательски скрипят.

Он пристально смотрит мне в глаза. Я тоже смотрю в его, не отрываясь... они такие красивые, темно-зеленые, с карими крапинками глубоко на дне. Я погружаюсь в них с головой, на секунду забывая о своем состоянии.

Потом как из тумана:

– ...и ты ляжешь, идет?

– Что?

– Я дам тебе аспирин, и ты ляжешь, идет? – повторяет Том.

– Что? Нет, нет... мне нужно идти...

– Куда собралась?

– Я... мне нужно...

– Я вижу, что тебе нужно, – отрезает Том.

Я вдруг пугаюсь. Резко встаю, кидаюсь к двери, но замираю. Мерзкий прилив тошноты сводит скулы. Сдержаться не получается, и меня выворачивает прямо на коврик с надписью «WELCOME!» Перед глазами пляшут звездочки. Том подхватывает меня под руки, и если бы не он, то я бы точно упала.

– Еще тошнит? – спрашивает, направляя мое трясущееся тело в сторону туалета.

– Да...

Приступ рвоты подбирается, как раз когда я оказываюсь рядом с унитазом. Том сгребает в руки мои волосы, и я снова блюю. Потом еще раз. И еще.

Когда это кончается, мы поднимается в спальню, временно назначенную моей. Рвота совершенно не принесла облегчения. Том укладывает меня на кровать и говорит:

– Я сейчас, держись.

Через минуту он возвращается со стаканом воды и таблетками. Протягивает мне четыре, говорит:

– Пей.

– Нет, мне надо идти...

– Да что ты заладила! Заткнись и пей! – раздраженно повторяет он.

– Все со мной нормально! – в том же тоне отвечаю я. – Мне надо идти! Это очень важно!

Я пытаюсь подняться, но Том легонько толкает меня в грудь, возвращая обратно.

– Слушай, думаешь, я не понимаю, что с тобой?! Не выделяйся и пей таблетки! – почти переходит на крик Том.

– Зачем мне так много аспирина?! – вскрикиваю я в ответ.

– Замолчи и не зли меня, – говорит он. – Чего ты такая упрямая, а? Я знаю, что делаю! Пей!

Я беру у него из рук таблетки и через боль проглатываю.

– Вот так. Умница. – Том гладит меня по ноге.

Его пальцы на моей ляжке – единственное, что не отзывается болью. Мне нравится... нравится его рука и то, как он дотрагивается до меня.

– Том, мне так плохо... – хнычу.

– Я знаю. Я вижу, малышка. Я понимаю. Терпи, слышишь? Терпи.

– Умоляю, только не уходи...

Том кивает.

– Обними меня... – говорю.

Он подается вперед и ложится сверху, обхватывая руками. Я цепляюсь за него, как за спасательный круг. Носом утыкаюсь в пространство между ухом и шеей. Его щека колется. От близости с ним сердце стучит еще сильнее, чем до этого, но мне становится спокойнее. Я отвлекаюсь на его запах.

– У тебя сильный жар, – слышу я откуда-то издалека, – скоро станет лучше.

Том баюкает меня, гладит по спине. Я мычу что-то невнятное, вжимаясь в него. Постепенно температура спадает, с меня выходит столько пота, что одежда промокает. Я

прижимаюсь к Тому сильно и долго, и он держит меня, не отпуская ни на секунду.

Но потом становится больно. Еще больнее, чем до этого. Я ощущаю в мышцах и костях такую резь, словно внутрь меня закачали бензин и подожгли.

– Отпусти, отпусти меня... – шепчу я словно не своим голосом.

– Что? – Том отстраняется от меня. – Что болит?

– Все... мышцы, – говорю я, а потом протяжно вою, переворачиваюсь и хватаюсь за простыню.

Я не знаю, за что взяться. Болит все, невыносимо сильно, хочется ударить себя или порезать – что угодно, лишь бы не чувствовать *это*.

– Вставай. – Том переворачивает меня, я брыкаюсь.

– Нет! Больно! Не хочу!

– Мне насрать, что ты хочешь, а что нет, либо сама поднимешься, либо тебя подниму я, – твердо говорит Том.

Я противлюсь, но он от своих слов не отказывается: берет меня, словно мешок с картошкой, закидывает на плечо и тащит в ванную. Там, прямо в одежде, опускает в душевую и включает холодную воду. Она льется на голову, волосы, плечи, потом спускается ледяными струйками по всему телу. Отрезвляет. Я опускаю лоб на колени.

– Лучше? – спрашивает Том.

Я киваю. Он садится перед душевой на корточки. Говорит:

– Бельчонок, ты справишься.

Мое лицо пронзает болезненная гримаса. Том вздыхает, говорит:

– У меня кое-что есть...

Я поднимаю голову, взглядом следую за ним: он подходит к шкафчику над раковиной, открывает его и достает оттуда желтую баночку с таблетками.

– Что это? – спрашиваю.

– Транквилизаторы. Мои таблетки от биполярки.

– Это поможет?

Том кивает, нехотя открывая банку, смотрит в нее, раздумывая, а потом достает одну капсулу и отдает мне. Я проглатываю ее без воды.

И спустя время чувствую – да, помогает. Боль отпускает, сразу же становится холодно. Я вылезаю из душа, и Том приносит мне сухую одежду.

Я не понимаю, что со мной. Все мышцы расслабляются, из-за чего становится сложно двигаться. Я прикладываю усилия, чтобы переодеться и не свалиться на пол. Меня шатает, клонит в сон.

Когда выхожу, Том снаружи, под дверью. Все, что у меня получается, это сказать ему:

– Какая жесьь.

А дальше я успеваю только доползти до кровати, потому что глаза закрываются прямо при ходьбе. Кажется, меня вырубает за несколько секунд то того, как я успеваю лечь.

Берег залива Сан-Франциско освещен теплым розовым светом. Я сижу на песке и смотрю, как солнце медленно погружается в океан. Я до сих пор не оправилась после убийственной таблетки, которую дал мне Том. Чувствую себя словно в вакууме – внешний мир меня абсолютно не касается. Необычно смотреть на все стороны. Ничего не трогает, ничего не интересует. Это так он живет на своих лекарствах? Лучше уж мотаться от мании к депрессии, чем вообще ничего не чувствовать, а только таращить глаза и переставлять ноги.

Когда я проснулась, Тома не оказалось дома, и в первую очередь я побежала за наркотой. А когда оказалась в нужном месте, обнаружила, что трейлера Алисы и Скотта здесь больше нет. Они уехали. Где теперь, я не знала. Алиса всегда говорила: *«Никогда не звони мне, слышишь? Тебе нельзя мне звонить»*. И я не звонила. Только писала. Я написала уже сообщений пятьдесят, но она не отвечает. И сейчас мне почти все равно, но я точно знаю, что если ломка начнется снова, то я умру. Просто умру.

Ломка. Я будто бы слишком легко приняла этот факт. Меня ломало. Том это видел. Но если честно, сейчас мне абсолютно плевать.

Я поднимаюсь и ухожу. Мне нужно достать наркотики.

Только как это сделать? Мой новообретенный приятель-наркоман Скифф за решеткой. Все остальные, по-видимому, тоже. Единственная, кто остался... Стейси. Я вспоминаю про Стейси.

А еще я вспоминаю, что Стейси – подруга Скиффа. И она единственный его друг, которого я знаю. Наверное, мне стоит рассказать ей, что с ним случилось.

В тот вечер, когда я пришла в злополучный дом, она упоминала о забегаловке, в которой работает. Не без труда я выуживаю из воспоминаний название. Найти нужное место оказывается легко. Я молюсь всем богам, чтобы Стейси была на работе, и мои молитвы слышат.

Когда я захожу, она всматривается в меня и восклицает:
– Белинда! Как я рада тебя видеть!

Выбежав из-за барной стойки, здоровается и обнимает.
– Стейси... кое-что случилось.

Она сводит брови.

– Не пугай меня. Что-то серьезное?

– Очень серьезное. Если честно, я не знаю, как подступиться.

– Ладно. Сядь и подожди пятнадцать минут, моя смена сейчас закончится.

Я киваю. Спустя время Стейси присаживается ко мне и ставит на стол два красных стаканчика с газировкой.

– Ну же, рассказывай, – встревоженно торопит она.

Я набираю в легкие воздуха, чтобы рассказать ей о слу-

чившемся, как вдруг... как вдруг дверь в бар открывается, и заходит Скифф. От неожиданности я вскрикиваю:

– Скифф?!

– О, плакса, – брезгливо говорит он и подходит к нашему столику. Мне становится не по себе.

– Привет, Скифф! Белинда хотела мне что-то рассказать... это ведь не секрет? – обращается ко мне Стейси.

Скифф подхватывает:

– Кажется, я знаю, что она хотела.

– У вас был секс? – Она смеется.

– Нас накрыли, – отрезает Скифф.

Глаза Стейси округляются.

– Что-что?

– Накрыли нас, говорю, ты оглохла? Забрали в полицию, раскидали по камерам. Плаксу вытащили, – кидает он на меня злой взгляд, – а меня выпустили под залог. Теперь грозит либо условка, либо тюрьма.

Сердце на секунду останавливается. От упоминания полиции и грозящего Скиффу наказания мне снова становится страшно.

– Боже мой, – шепчет Стейси, – господи, Скифф... это... это... я не знаю, что сказать!

– Можешь молчать, – Скифф хватает меня за руку, – а с тобой мы сейчас поговорим. – И поднимает со стула.

– Почему не здесь? – возражаю я.

– Поболтать надо один на один. Стейси, закажи мне бур-

гер с грибами.

– Окей, – подмигивает она.

Скифф тянет меня на улицу, и я пытаюсь сопротивляться, но боюсь сделать хуже. Снаружи он прижимает меня к стене и говорит:

– Попытаешься свалить, я тебе врежу.

– Что? Скифф, что я тебе сделала?

– Что ты мне сделала? Ты серьезно спрашиваешь, что мне сделала?! – кричит он и бьет кулаком стену около моей головы.

Я вздрагиваю, зажимаюсь и пишу:

– Просто объясни, я правда не понимаю, о чем ты!

– Твой сраный адвокат свалил все на меня! – кричит он. – Если бы не твоя наркота, которую скинули мне, я бы отделался исправительными работами!

Я сглатываю. То, что он говорит, парализует.

– Ты за это заплатишь, ясно? Запомни, я отомщу тебе.

– Я тут ни при чем, Скифф! Я не знала, что так вышло!

Мне просто помогли и все...

Он скалится, продолжая нависать надо мной.

– Да пошла ты! Ты знала, что делала, иначе бы у тебя не вышло все так просто! Я тебе устрою...

Я начинаю злиться, потому что все, что он говорит, – полный бред.

– Ну и что ты мне сделаешь, придурок?

Он хватается за шею и сжимает ее. По телу бежит хо-

лодок, а к лицу приливает кровь.

– Да что угодно...

Скифф душит меня, я начинаю дергаться и вырываться.

– Я знаю, ты спалила Алису.

– Я никого не палила!

– Я знаю, что это была ты. Я видел и слышал, что говорил твой адвокат, – шипит он. – Я расскажу все ей, и тебе хана.

Мне все больше и больше не хватает воздуха. Я пытаюсь оторвать его руку, но он намного сильнее. Ничего не могу сообразить и сказать тоже ничего не могу.

– Ты в заднице, девочка, – говорит он и отпускает меня. Я судорожно делаю вдох.

Скифф уходит, я остаюсь на улице одна, держусь за шею и глубоко дышу. В голове только одна мысль: я сдала Алису. Я и правда сделала это, но была настолько глупа, что даже ничего не поняла.

Подступившая тревога вызывает тошноту. Я рассказала адвокату Тома все, что о ней знала. Как ее зовут, на каком трейлере она ездит, чем занимается и где это делает. Выдала полную информацию для того, чтобы ее посадить. Алиса распространяет наркотики, а это строго запрещено. Я по глупости оказалась тем человеком, который ее выдал, и отрицать это нельзя.

Справляясь с тошнотой, я добираюсь до квартиры Тома. Его все еще нет. Тем лучше, я заваливаюсь на кровать в своей комнате и начинаю снова забрасывать Алису сообщения-

ми. Хотя бы с ней все было в порядке, пожалуйста! Чувство вины пожирает меня изнутри, словно насекомые – разлагающийся труп. Это отвратительно... неужели я сломала ей жизнь? От этой мысли по телу бегут мурашки. Еще Скифф со своими угрозами и нападками... они не сильно пугают, но что, если он действительно нападет на меня? Что, если устроит ад на земле?

В мою комнату стучатся. Из-за двери я слышу:

– Эй, я войду? Ты не спишь?

– Нет, заходи.

Том мягко ступает по полу, садится ко мне на кровать. Время близится к ночи, и, как я уже поняла, он всегда поздно возвращается домой.

– Ну как дела? – спрашивает. Я чувствую от него приятный запах парфюма – свежего, источающего прохладу, с ноткой цитруса.

– Я еле проснулась...

Он улыбается. Глаза Тома полуприкрыты, а его словно трагично опущенные внешние уголки глаз... они мне всегда нравились.

– Слушай, я хотела спросить... – начинаю, – а как у тебя получилось вытащить меня из участка?

– Ну, это было несложно... я просто знаю кое-каких людей.

– Ясно... а что сделали эти люди?

– Без понятия. И мне без разницы, правда, главное, что

ты на свободе.

Я киваю и сглатываю. *Вот дерьмо.*

– Бельчонок, завтра я еду в Амстердам, – неожиданно говорит Том.

Повисает молчание. Мне становится тяжело дышать.

– Эм... – подбираю слова, – ладно. Понятно. Обещаю не устраивать вечеринок, – отшучиваюсь.

– Нет, слушай... поедem вместе? Это не по работе, ребята в Европе, и мы хотим встретиться. Просто путешествие.

– Том... это... – От удивления я не могу ничего сказать. – Это же круто! Конечно поехали! Я так давно хотела там побывать!

От радости я аж подпрыгиваю на кровати. Все проблемы и переживания мигom улетучиваются. Ведь я увижу Амстердам! Что в этой жизни может быть лучше?!

Лицо Тома переливается розовым и фиолетовым. Мы лежим на кровати вплотную друг к другу и глупо улыбаемся. Я нахожу его руку на одеяле, переплетаю наши пальцы и сжимаю. Том расплывается, сливается с бежевой стеной позади, закручивается в запутанную спираль. Это вызывает смехок. Он тоже смеется, мы вместе начинаем тихо хихикать.

В душе умиротворение. Опынение понемногу спадает, в теле отдается приятная усталость. Я совершенно не помню, сколько мы выпили, не помню, что было сегодня, как мы очутились здесь. Когда все началось? Кажется...

Том протянул мне огромный косяк, упакованный в пластиковый прозрачный чехол. По инерции захотелось спрятать его под стол, но мы же были в Амстердаме! Я вскрыла упаковку и вытащила его.

– Божже! – вырвалось из меня, когда я почувствовала удушливый запах.

В баре, в который мы зашли, было темно. Народу много, но из-за приглушенного света это не вызывало неловкости. На нашем столе стояла зажженная свеча – кажется, официант принес ее, подумав, что у нас свидание. Недолго думая, я прикурила от ее огня, затянувшись. Передала косяк Тому, и он повторил за мной.

Я медленно дотрагиваюсь до груди Тома рукой. Мне кажется, что ладонь проникает внутрь, сливается с его телом и достает до сердца. Ох, это сердце... бьется быстро, но ровно, словно ритм всех когда-либо написанных им песен. Оно такое горячее и влажное... живое. Том вдруг отстраняется от меня, и я выдергиваю руку. Слишком резко... вырываю прямо из груди. Надеюсь, ему не больно.

Придвигаюсь вслед за ним. Мне кажется, что тепло, исходящее от него, приятного розового цвета. Том... он так приятно пахнет. Его запах... едва ощутимый, совсем близкий к коже, такой интимный... он так сильно будоражит меня. Сводит с ума. Я пьяна. Когда я успела так надраться?

– Держи, – сказала я и передала Тому бутылку вина, упакованную в бумажный пакет, чтобы скрыть от чужих глаз. Он тут же забрал ее и сделал несколько глотков. Был день, и мы сидели около озера в парке Вонделла, прямо под тяжелыми ветвями плакучей ивы. Трава на берегу была неестественно ровная, темно-зеленого цвета. В тени веяло прохладой, но алкоголь согревал.

Я улыбнулась от этой картины. Том тоже улыбнулся, освещая своей улыбкой меня и мир вокруг. Его улыбка... я смогла бы смотреть только на нее всю оставшуюся жизнь. В руках Том держал картонную тарелку с какой-то местной рыбой, я забыла ее название. У меня же была бель-

гийская вафля. Я по кусочку запихивала ее в рот. Небо выглядело так, будто еще чуть-чуть – и пойдет дождь.

Том вернул мне бутылку, и я жадно отпила. Стала думать, куда бы пойти, когда польет, как вдруг...

– О боже, Том... – выдала я, заглядывая ему за спину.

– Что? Что там? – Он повернулся и, рассмотрев то, что я увидела, громко засмеялся.

Я хихикнула и удивленно замотала головой.

– Ты же в курсе, что в этом парке разрешено заниматься сексом? – спросил он.

– Сексом? Что? Нет...

Он снова обернулся, разглядывая разворачивающуюся интимную сцену в противоположном конце аллеи, улыбаясь и время от времени посмеиваясь. Я глянула на обнаженных мужчину и женщину, лежащих друг на друге под деревом. Хоть и вдалеке, но все очевидно... выглядело совсем не как в порно. Мне стало неловко, а вот Тома это ни капельки не смутило.

– Почему делают это они, а стыдно мне? – Я опустила взгляд на вафлю.

– Это же Амстердам, малышка, тут везде секс, – бросил Том.

– Ну офигенно, что сказать... – недовольно ответила я и снова припала к бутылке.

Когда я перевожу взгляд с Тома на прикроватную тумбочку

ку, у предметов остаются шлейфы. У меня жуткие вертолеты, от которых слезятся глаза. Голова будто набита ватой. Том лежит на спине рядом со мной, закрыв глаза. Я смотрю на его спокойное лицо, легкие морщинки в уголках глаз, едва отросшую щетину. Спускаюсь взглядом к шее... Кончики моих пальцев начинают гореть. Я касалась его в этих местах... но когда это было?

Том пытался открыть дверь в номер, когда я навалилась на него. Я уже не могла стоять на ногах из-за непрекращающегося смеха, так что нашла опору в виде его тела. Когда дверь поддалась, мы еле доползли до ближайшей спальни и рухнули на кровать.

— Вот черт, — смеялся он, пытаясь расшнуровать кеды. Я хихикала над его неуклюжестью. Не преуспев в этом занятии, Том растянулся на кровати и прикрыл глаза рукой.

— У меня такие вертолеты, — пожаловался он и повернулся на бок. — Господи, мальшика, ты где?

Он потянул ко мне руки, и его пальцы прилетели мне прямо в глаз. Мы принялись смеяться так, что заболели животы. Немного успокоившись, я тоже дотронулась до него. Провела руками по груди, добралась до шеи. Прикоснулась к ней, погладила. Эти касания были такими... удивительными. Словно я дотрагивалась до того, от чего зависит вся жизнь на земле. Моя собственная жизнь. Я дотрагивалась

до чего-то самого важного в этом мире...

Том трогал меня в ответ. Когда я положила руку ему на щеку, он сделал так же в ответ. А потом снова рассмеялся.

Сквозь открытое окно до меня доносится шум дождя и порывы прохладного ветра. Я лежу на боку и разглядываю руки Тома – они все в татуировках. Есть совсем старые и черные в виде цветов, они сильно потускнели. Красная паутинка, оплетающая локоть, на их фоне бросается в глаза. Рядом новые, цветные персонажи мультфильмов «Симпсоны» и «Футурама». На правой руке, той, что ближе ко мне, под рукавом футболки виднеется надпись «Джосуи». Под ней цифра 27, обведенная в круг. Я знаю, на другой руке, примерно в том же месте на плече, выведено «Марта». От этого в сердце словно что-то скрипит. Том набил ее имя, когда они были вместе и любили друг друга. Потом их брак с грохотом развалился, а татуировка осталась. Странно осознавать, как самые романтические вещи позже становятся самыми печальными.

– О, смотри, это же кладбище! – завизжала я и ухватилась за прутья забора, взглядываясь в покосившиеся могилки.

– Европейское кладбище! В Амстердаме! Том, идем посмотрим!

Он засмеялся и согласился. Приближаясь ко входу, мы договорились вести себя прилично, пытаясь скрыть то, что

мы навеселе. Но стараться не пришлось.

– Закрыто, – с разочарованием протянула я, – ну, давай хотя бы по периметру пройдемся?

Недолго думая, я обогнула ограждение по правую сторону от ворот. Том едва попевал за мной. Я внимательно рассматривала кладбище сквозь мелькающие на скорости железные прутья.

– Черт, ты посмотри... я хочу туда! – Я зацепилась за забор рукой, а ногу поставила на выступ в фундаменте. Посмотрела на Тома, ожидая его реакции. Он хмыкнул.

– Мальшика, мне ведь тоже восемнадцать, ты знаешь, – он взялся за решетку и запрыгнул на возвышение, – только рехабов стало больше.

Я оглянуться не успела, как Том перемахнул через ограду и оказался по другую сторону от меня.

– Я тебя обожаю! – вскрикнула я и последовала за ним.

Том протянул ко мне татуированные руки, когда я спрыгивала на землю; подхватил меня и поставил на ноги. Оглядываясь и посмеиваясь, мы стали расхаживать по кладбищу.

Там пахло плесенью. Все кладбище находилось под высокими толстыми деревьями, было прохладно и сыро. Покосившиеся могильные камни повергали в уныние. Мы вышли на асфальтированную тропу и медленно пошли вперед.

Мраморные плачущие ангелы, высокие белые кресты, вытянутые надгробные плиты, покрытые плющом, гробни-

цы... Это было круче любого музея. Мы расхаживали по всей территории, совершенно одни и абсолютно безнаказанные. Том взглядывался в могилы, надеясь найти кого-нибудь известного.

В какой-то момент мы подошли к самой старой части кладбища. Здесь на могильных камнях даже не было надписей. Они исходили трещинами, сыпались песком и скрывались под высокой, неподстриженной травой. Я опустилась на одно колено и взгляделась в них.

— Когда-нибудь я умру, и моя могила зарастет дерьмом так же, как и все здесь.

Том поначалу молчал — видимо, не ожидал такой реакции. Потом присел ко мне и сказал:

— Такое случится со всеми.

— Нет, с тобой такого не будет.

— Мы не можем знать, что будет завтра, а ты говоришь про далекое будущее!

— Твои сумасшедшие фанаты будут ходить к тебе каждый день!

— Ты хоть понимаешь, на что обрекаешь меня?! — возмутился Том.

— В каком смысле? — Я заглянула ему в лицо.

— В том смысле, что я даже после смерти не смогу спокойно отдохнуть!

Я захохотала. Том зыркнул на меня и встал. Мы принялись думать, где лучше перелезть обратно.

Я медленно моргаю. Кажется, Том заснул. Он перевернулся на бок, и теперь мы лежим лицом к лицу. Он такой... почему он такой... Я придвигаюсь к нему так близко, как могу, и обнимаю одной рукой. Снова вдыхаю его запах. Он тоже кладет на меня руку в попытке обнять. Но точно спит. Я поднимаю голову и принимаюсь его будить.

– Том, – зову, – Том, проснись...

– А? Что? – сонно спрашивает он.

– Том, я...

В завершение нашей фееричной прогулки мы решили сходить на улицу красных фонарей. Куда же без нее? Время близилось к вечеру, а значит, самое время идти смотреть на проституток.

– Это она мне или тебе? – спросила я, когда девушка с голой грудью поманила нас к себе пальцем.

– Думаю, это нам. – Том помахал ей и повернул меня в противоположную сторону.

– Надо же было оказаться именно в Амстердаме! – сетовала я. Мы остановились около витрины сексишопа. За стеклом была огромная куча фаллосов.

– Давай-ка зайдем, – взял меня за руку Том и потянул внутрь магазина.

– Ладно, ладно, давай зайдем... если ты так хочешь... – недовольно пробурчала я.

Том вопросительно посмотрел на меня. Я открестилась и принялась ходить за ним среди полок с вибраторами. В какой-то момент я все же не выдержала:

– Секс преследует меня.

– Он не делает этого, – покачал головой Том. – Ведь ты девственница.

– Ну спасибо...

– Я не имел в виду что-то плохое. Просто ты постоянно думаешь о нем. Не делай вид, что это не так, я был на твоём месте. – Том взял в руку презерватив с изображением марихуаны и покрутил. – Когда «Нитл Граспер» первый раз поехали в тур, нам было по семнадцать. Мы все были озабоченными мудаками, ты бы нас видела. Мы ездили в автобусе по стране и каждый, каждый гребаный раз, когда было время, обсуждали секс. У Майка тогда уже были девушки, и он рассказывал нам много историй. Половину, правда, выдумывал, как я понял позже. Мы обсуждали женскую грудь, бедра, задницы и много чего другого...

– Фу, Том...

– А что такого? Еще мы очень часто говорили о девушках, что приходили на наши выступления. У меня все никак не получилось ни с кем сойтись. Это было ужасно.

– М-да... – протянула я. – Ладно, у меня еще есть время стать рок-звездой и наконец-то заняться сексом.

Том залился смехом. Я криво улыбнулась.

– Но раз ты говоришь, что секс тебя преследует... мо-

жет, купить тебе? – Он указал рукой на огромный резиновый член. Я моментально вспыхнула.

– Слушай, а где твои папарацци и фанатки, м? Почему ты до сих пор спокойно ходишь по улицам?

Том закатил глаза. Он подошел на кассу, пока я старательно отворачивалась, делая вид, что вовсе не пытаюсь рассмотреть его покупку, и мы вышли наружу.

– А тут есть мужики? – спросила я, когда мы проходили очередное красное окно с девушкой.

– Да. Они обычно внутри сидят.

– Ах вот оно что... Может, стоит снять себе одного и лишиться с ним девственности? – огрызнулась я.

– Хм... – Том скептически посмотрел на меня. – Не думаю, что они хороши в этом.

– Думаешь, не стоит?

– Думаю, нет.

Пока мы гуляли по улице Красных фонарей, окончательно стемнело. С наступлением полуночи мы отправились обратно в отель.

Я зарываюсь Тому в грудь и заплетающимся языком говорю:

– Я тебя очень сильно люблю.

– И я тебя, – тут же отвечает он, и его дыхание обдувает мою макушку.

Я продолжаю:

– И я даже не хочу слышать ответ. Я люблю тебя.

Том принимается гладить меня по голове. Нежно говорит:

– Бельчонок, я тебя тоже очень люблю, и это правда.

– Ты единственный, кто помогает мне. Спасибо. И прости.

– За что простить?

– За все. Просто... тебе нет резона со мной носиться. Я отнимаю у тебя время. Прости...

– Я ведь тебя люблю.

– Правда?

– Правда.

Я прижимаюсь к нему и улыбаюсь. Я на самом деле его люблю.

Просыпаюсь я в холодном поту и с вопросом, сложно ли достать в Амстердаме наркотики потяжелее. Одеяло прилипает к телу. На соседней половине кровати обнаруживается спящий Том, который так и не ушел к себе в комнату. Я пытаюсь подняться, но меня трясет, а ноги подгибаются, и я валяюсь на пол. Зубы скрипят, а челюсть сводит так, что я начинаю скулить. Нет, нет, нет, опять это...

Сил, чтобы встать, не хватает.

– Том... – зову я, но ничего не получаю в ответ.

– Том! – вскрикиваю.

Он тут же подсказывает, еще не понимая, что происходит, смотрит на меня полузакрытыми глазами.

– А? Что? – бормочет он.

– Том, помоги... – процеживаю сквозь сжатые зубы.

Он сразу все понимает: спускается ко мне и помогает лечь обратно на кровать.

– Черт, черт, черт, – бормочу я, заламывая кисти рук. Том садится на край кровати, кладет ладонь мне на лоб. Я не могу лежать спокойно, дергаю ногами и выгибаю спину.

– Эй, успокойся! – Он прижимает меня к матрасу. – Тебе будет легче, если ты расслабишься.

Тело горит. Я бы начала кататься туда-обратно, если бы Том не держал меня. Воздух свистит, когда я втягиваю его

сквозь сжатые зубы.

– Что за бред ты несешь! – вырывается из меня, пока я пытаюсь освободиться от его хватки. Безуспешно.

– Делай, как я сказал! – повышает он голос.

Я замираю. Не хочу, чтобы он на меня кричал... но как бы просто ни было говорить об этом, на самом деле расслабиться и правда невозможно. Все тело скручивает и ломает.

– К-как, – запинаясь я, – м-мне больно...

– Давай я наберу тебе теплую ванную, – предлагает Том. – Мышцы расслабятся.

Его хватка ослабевает.

– Ладно, – кивая, говорю я, но потом протестую: – Господи, нет, нет, я не смогу... Том, просто дай мне что-нибудь, умоляю... или врежь мне, и я вырублюсь!

– Слушай, не наматывай сопли, ладно? От ломки не умирают!

– Умирают! Я читала в интернете!

Том отпускает меня и смотрит как на идиотку. От его вида я прихожу в ярость. Во мне просыпаются силы, чтобы ментально подскочить на ноги.

– Ты придурок! – взвизгиваю я и начинаю ходить из угла в угол. – Где твои таблетки?!

– Ты что, совсем охренела?! – рявкает Том и тут же оказывается рядом со мной. Хватает меня за руку и говорит:

– По-твоему, я теперь должен отпаивать тебя своими лекарствами?! – Он сжимает челюсти, глубоко вдыхает. – Я не

дам тебе их не потому, что я конченный урод, понятно? А потому что ты не можешь выпить их и пойти дальше развлекаться, как прежде! От этих препаратов можно умереть. Я хочу тебе помочь, а не убить.

Я сглатываю. В ушах стоит такой шум, что я еле разбираю его слова. Но я понимаю. Остатками сознания я его понимаю. Киваю и чувствую, как пол под ногами растворяется, и я падаю назад. Том тянет меня на себя и подхватывает.

– Сделай что-нибудь, пожалуйста, – тихо шепчу я.

– Хорошо, хорошо, бельчонок, сейчас, – говорит он, снова укладывая меня на кровать.

* * *

У нас двухэтажная мансарда в готическом пятизвездочном отеле. В потолке над гостиной два огромных окна, в которые стучит дождь. Тут две комнаты: ту, что наверху, занял Том, а в той, что рядом с залом, поселилась я. Мы с Томом сидим на диванчике перед металлическим столиком, на котором нам привезли завтрак. Телевизор разговаривает на голландском. Том пьет черный кофе и курит сигарету, что взял у портье. Я ем яичницу.

Мне лучше. Правда, после косяка, который Том дал мне, стало лучше. Только не оставляет ощущение, что голова парит в воздухе отдельно от тела. Но это ерунда по сравнению с ломкой.

Мы молчим. Уже достаточно много времени. Том где-то в своих мыслях, и я не мешаю. Когда он резко приходит в себя, я вздрагиваю.

– Белинда... слушай, я все это знаю. Знаю, тебя сломали. Я понимаю. Во всем этом нет твоей вины.

Я сглатываю. Опускаю взгляд.

– Спасибо... – тихо говорю.

Он тушит сигарету в кружке с остатками кофе и ставит ее на стол.

– Но, малышка... тебе всего восемнадцать. Ты такая молодая... С зависимостью надо бороться, понимаешь?

– Том, я... – Пытаюсь собрать мысли в кучу, но получается плохо. – Я не хочу останавливаться... В моей груди огромная дыра, и только наркотики заполняют ее.

Он смотрит на меня с такой болью в глазах, что мне хочется плакать. Появляется нестерпимое желание оправдываться.

– Я понимаю, что так нельзя, знаю, что зарываю себя на дно, я все это понимаю, но не хочу больше жить в постоянном отчаянии...

Том упирается локтями в колени и трет рукой лоб. Говорит:

– Я прекрасно знаю, как хорошо *там* и как плохо *здесь*.

– Ну и почему тогда я должна выбирать эту реальность, то место, где я страдаю?! – возмущаюсь я. – Где всем на меня плевать и я совсем одна?!

– Тише, милая, тише! – Том придвигается вплотную ко мне и прижимает к груди. Говорит: – Мне на тебя не плевать, слышишь? Мне не плевать.

Я всхлипываю. Его слова так трогают, что я ничего не могу сказать.

Том прижимает меня к себе, нежно гладит по голове. Почти шепчет:

– Малышка... мне очень жаль.

В горле и голове отдается жуткая боль. Я изо всех сил справляюсь с желанием заплакать. Когда слезы немного отступают, отстраняюсь и смотрю на него. Спрашиваю:

– Ты когда-нибудь хотел умереть?

– Да, много раз. Однажды я чуть не сделал это.

– Не сделал что?

– Не наложил на себя руки.

Я качаю головой. Опускаюсь обратно ему на грудь и говорю:

– Можешь рассказать?

– Ты знаешь, что мой отец умер от рака? – Он заглядывает мне в лицо и гладит по плечу.

– Конечно.

Том смотрит куда-то вперед.

– Он умирал на протяжении очень долгих месяцев, и у него были адские боли... В какой-то момент уже ничего не помогало, никакие опиаты, наркотики, и он кричал, бился в агонии.

Том тяжело вздыхает. Потом продолжает:

– Знаешь, днем, ночью я до сих пор боюсь – если кто-то закричит так же, ноги подкашиваются... И весь этот хаос в доме, приближение смерти доводили до нервных срывов. Мне тогда было всего пятнадцать, а такое сведет с ума любого. Один раз у меня случилась такая истерика, что я хотел уйти из дома любым способом. Мы тогда жили в доме на седьмом этаже, и я решил, что выйду в окно, и если не сдохну, то меня хотя бы заберут в больницу.

Том останавливается, отпускает меня и берет со стола бутылку с водой. Он кладет руку на крышку, но не открывает.

– И я уже вышел на балкон, но пришел врач, в очередной раз. Никого кроме меня и отца не было, так что пришлось пойти и открыть дверь... Я потом чувствовал ужасную вину за то, что хотел сделать, за то, что не подумал о маме и сестре. Но я был настолько разбит, что мне было на все и всех плевать, я просто хотел больше этого не видеть и наконец-то сдохнуть.

Том заканчивает и смотрит на меня. Я цепенею. Даже представить себе не могу, как тяжело ему было.

– Том, какой ужас...

– Все нормально. Прошло уже много лет. Я просто хотел сказать, знаешь, после этого я еще много раз думал о смерти... когда Марта грозилась лишить меня родительских прав, если я не поеду лечиться, когда она ушла... когда группа чуть не развалилась. Но я всегда вспоминал тот момент,

и это меня отрезвляло.

Я молчу и смотрю на него.

– Я имею в виду, Бельчонок, это чувство ты пронесешь с собой сквозь года. Но оно не должно тобой управлять.

Я киваю.

– С этим нужно научиться справляться, – добавляет он. – Не знаю, как по-другому.

Мне нечего ответить. Если честно, то, что он говорит, звучит просто кошмарно.

– Ладно, хватит об этом... – переводит тему Том. – Марк уже заселился. Бен и Джефф скоро приедут. Сегодня должен быть хороший день.

* * *

«Нитл Граспер» – очень шумные ребята. Если они заходят куда-то, то заполняют собой каждый угол. Все пространство – это они. Никто в помещении не остается в стороне, все до единого оказываются затянуты в их вечеринку, во главе которой всегда эти четверо. «Нитл Граспер» ведут себя вызывающе и порой совсем сходят с ума, но этим очаровывают. Удивительное умение быть милыми и при этом творить все что вздумается, всегда меня восхищало.

Вот и сейчас: Бен стоит в окне своего номера и что-то кричит охраннику внизу. Тот лишь смеется в ответ. Все, кто здесь находится, знают: нельзя взять и прыгнуть с четвертого

этажа в бассейн в дорогом пятизвездочном отеле. Нельзя, но только если ты не из «Нитл Граспер». Если ты из «Нитл Граспер» – тебе можно все.

Бен кричит парню, который снимает его:

– Убери свой долбаный телефон! Я тебе его в задницу засуну, как только окажусь на земле!

Рядом с ним мелькает черноволосая растрепанная голова. Это Том, где-то там, в глубине номера; он наверняка смеется до боли в животе. Бен отталкивается от оконной рамы и летит прямо в воду.

Когда брызги из бассейна ложатся на землю, я думаю – зачем бассейн вообще нужен в Амстердаме? Тут же пасмурно. Рядом с ним стоит табличка «Не купаться!». Я ухмыляюсь. Люди по примеру Бена начинают прыгать за ним, поднимаются крики и шум. Том выглядывает из окна, смотрит вниз, улыбается, в руке держит стакан с каким-то пойлом. Он не прыгнет, я знаю. Так и происходит. Том оглядывает двор и исчезает в недрах комнаты. Наверняка сейчас он спустится к нам по лестнице.

По правде говоря, я первый раз тусуюсь с «Нитл Граспер» без отца. Чувствую пьянящую вседозволенность, но только... только мне по-прежнему плохо. Пару минут назад мы вышли из бара отеля во двор, тут-то до Бена и дошло, что окно его номера выходит на бассейн. И они с Томом побежали вверх.

Я искалала себе все губы. Мне срочно надо выпить. Я под-

хожу к бару и говорю:

– Один «Ред Лейбл», пожалуйста.

– Документы, – без эмоций говорит бармен, а я сокрушаюсь.

– Черт, они в номере...

Он пожимает плечами.

– Эй, парень, – слышу я голос Марка за спиной, – налей ей, давай. И мне то же самое.

Он подходит и кладет руку мне на шею. Немного встряхивает.

– Что, отходняки? – спрашивает.

– Ну, что-то вроде...

– Понимаю, – качает головой.

На Марке солнцезащитные очки и шелковая леопардовая рубашка. Первые две пуговицы расстегнуты. Со своими светлыми волосами и длинными ногами он выглядит как модель какого-нибудь дорогого европейского бренда. Он вообще единственный, кто сохранил «товарный» вид: Том как обычно выглядит растрепанным после первого же стакана скотча, Джефф порвал пиджак во время танцев в баре, про Бена и говорить нечего.

Бармен ставит перед нами два стакана с виски. Я сразу же хватаюсь за один из них.

– Мэнди, я здесь! – кричит Марк прямо мне в ухо.

– Они заснули, наконец-то! – Аманда подбегает к нам и облегченно вздыхает. – Еле уложила. Совсем не хотят ло-

житься спать вовремя. Дай-ка... – Она выхватывает у Марка из рук стакан и осушает его за несколько глотков. Потом добавляет: – Я готова танцевать всю ночь!

– Замечательно, – улыбается Марк и обнимает ее.

У меня сводит челюсть – то ли от ломки, то ли от их идеальности. Мэнди просто шикарная – бывшая модель. Они с Марком выглядят прекрасно. У них двое таких же идеальных светловолосых детей. А еще они все очень любят друг друга. И я как бы радуюсь за них, но потом чувствую боль.

– А ну иди сюда, киса моя! – кричит Бен Марку, подбегает и обнимает. Он весь мокрый, с него текут ручьи воды, так что лощеному виду Марка приходит конец. Мэнди в это время успевает убежать. Потом Бен добирается и до меня. Одежда намокает, и я, отвлекаясь от грустных мыслей, с криком убегаю от него.

* * *

Я сижу в кабинке туалета, обхватив себя за плечи, и трясусь. В голову словно бьют молнии. Как же я хочу... Кажется, на этом моменте я понимаю, зачем Том взял меня с собой в Амстердам: ведь я понятия не имею, где здесь достать наркотики. Да и мне не нужны какие угодно... мне нужны мои, те, что я беру у Алисы.

Алиса... Я вытаскиваю телефон и снова пишу ей. Она до сих пор ничего не ответила.

Я утыкаюсь лицом в ладони и начинаю мычать. Это невозможно... невозможно терпеть. Как же хочется... и как же больно. Я тру лицо руками. Со всей силы, так, что оно начинает гореть. Всхлипываю. Плачу. Невыносимо...

Непомерных усилий мне стоит подняться и выйти обратно во двор. Ломка не дает опьянеть. Не знаю, сколько я выпила, – сбилась со счета, но чувствую только боль во всем теле и мокрую от пота спину. Пытаюсь спрятать глаза от мерзких желтых лампочек, направленных точно на меня, но не получается. Через полужакрытые веки я оглядываю двор.

Все пьяные. Абсолютно, без исключений. К горлу подкапывает тошнота. Словно сквозь какую-то призму смотрю вокруг, и все происходящее выглядит омерзительно. Я ищу Тома. В этой бесконечной череде ужаса он – мое спасение. Я даже не знаю, что он может сделать, ведь... Мысли обрываются, я резко замираю на месте. Сердце разрывается, превращается в вязкую жижу и стекает по ребрам вниз, к похолодевшему животу. Это приступ? А все потому, что я вижу *его*. Том сидит на одном из мягких больших диванов рядом с бассейном в окружении людей. На его шее висит какая-то девушка. Ее голова так близко... секунда, и она целует его, придерживая за подбородок.

Я не могу вдохнуть. Проходящий мимо Джефф задевает меня плечом, кричит извинения, но на голове словно банка. Я не знаю почему, но боль от ломки усиливается. Том не касается девушки. В одной руке держит стакан, а в другой –

тлеющую сигарету. На ее конце столько пепла – кажется, он ни разу его не сбросил.

Я вечность стою и смотрю на них. А, может, прошла всего пара секунд, не знаю, но Том отстраняется от нее. Потом допивает то, что было в стакане, и уходит. Я «отмираю» и устремляюсь за ним.

Пока преодолеваю расстояние между нами, понимаю, что ненавижу его. Хочу ударить. Толкнуть и оскорбить. Но когда оказываюсь рядом, теряю дар речи, хочу опуститься на землю и расплакаться. Мы стоим у бара. Том что-то заказывает, когда я разворачиваю его на себя.

– Полегче, – говорит он.

– Дай таблетку, – с надрывом прошу я.

– Нет.

– Прошу! – Я хватаюсь за его футболку и сжимаю в кулак. Тому все равно, он будто не замечает.

– С ней нельзя пить, – говорит.

– Ты же пьешь!

Рядом стоящие люди оборачиваются на мой крик. Том берет меня за шиворот и отводит от бара.

– Неважно, что делаю я, – шипит он, – ты либо пьешь как надо, либо вообще не пьешь!

– Значит, вот как? – Я с силой выпутываюсь из его рук. – То есть запрещаешь бухать, да?

– Можешь делать что хочешь, я не твоя мамка, но забудь о моих лекарствах, понятно?! – шипит Том.

– То есть таблетку не дашь?

– Ты бухая.

– Не дашь?

– Белинда, отвали от меня! Просто отвали!

Мы яростно смотрим друг на друга. У Тома в глазах плещется гнев. Я киваю. Отворачиваюсь. Хорошо. Хорошо, я возьму сама. В конце концов, у меня в кармане лежит ключ от нашего номера. Когда Том отходит обратно к бару, я срываюсь с места и прихожу в себя уже тогда, когда копаюсь в его вещах. Долго искать не приходится – встряхнув рюкзак, я обнаруживаю, что он словно погремушка. Открыв и запустив туда руку, я сразу натываюсь на оранжевые баночки с белыми крышками. Боже мой, Том, зачем тебе так много? И какая нужна мне? Не помню. Ладно, плевать. Я открываю первую попавшуюся и думаю... одну? Две? Мне нужно, чтобы это скорее закончилось, так что я все-таки глотаю две. Жду совсем недолго, до того как...

До того как меня мажет, превращая в ничто. Я очень медленно моргаю, не могу сфокусировать ни на чем взгляд. Чувствую, будто парю над полом. Кажется, теперь я знаю, что такое настоящее облегчение. Это момент, который приходит после того, как тебя наконец-то перестает ломать.

– Что, в сумку ко мне залезла? – говорит Том, как только у меня получается разлепить глаза. Они почти сразу закрываются обратно. Не понимаю, что меня разбудило. Я так слаба, так хочу спать дальше...

– Эй, подъем!

Вздрагиваю. Закатывающимися глазами смотрю на Тома. Он стоит над кроватью и недовольно смотрит на меня.

– Знаешь, сколько ты проспала?

– Сколько? – еле выдавливаю я.

– Почти двадцать часов.

– Жесть...

Я приподнимаюсь на локтях. Ужасно, ужасно хочется спать еще. Том своим взглядом давит, словно стокилограммовой плитой.

– Приехал твой отец, – говорит.

– Что?! – подрываюсь я.

– Узнал, что «Нитл Граспер» в Амстердаме, и прилетел.

– Ты сказал ему про меня?!

– Конечно, сказал.

– И что он?

– Хочет тебя увидеть.

Я сажусь и протираю глаза руками, вздыхаю. Думаю, от чего мне так противно – от того, что отец пролетел полмира

не ради меня, а ради «Нитл Граспер», или от событий предыдущего дня.

– Я только что с ним разговаривал. Одевайся и спускайся. – Том отходит к двери и облакачивается на нее.

– И что ты ему сказал? – замерев, спрашиваю.

– Про твою ломку ничего не говорил.

Я облегченно вздыхаю. Посвятить Тома в мои проблемы с наркотиками было вынужденной мерой. Его молчание – вопрос времени. Мне так казалось, но...

– Почему ты ему не рассказал?

Мы молчим. Я должна быть рада, но я в замешательстве.

– Почему? – спрашиваю.

– Ты хочешь, чтобы родители знали? – Том отстраняется от дверного косяка и засовывает руки в карманы штанов.

– Нет.

– Тебе нужна их помощь?

Я усмехаюсь. Повторяю:

– Нет.

– Ты хочешь, чтобы я решил это за тебя?

– Нет...

Он кивает и выходит из моей спальни. Мне приходится совершить над собой огромное усилие, чтобы подняться с кровати. Я выхожу в гостиную и вижу, как Том роется в своем чемодане. Его дорожные пиджаки, которые мне так нравятся, смяты и раскиданы по полу.

– Том... – неловко начинаю я, – почему ты не злишься?

Он останавливается и поднимает на меня взгляд.

— А на что злиться? — вздыхает. — На то, что ты несчастный потерянный ребенок?

Он бросает это небрежно, и мне становится больно. Тяжело чувствовать себя жалкой, хочется отрицать его слова, но я молчу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.